

Виктор Бурцев
Алмазный дождь
Серия «Алмазные нервы», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128098
Алмазный дождь: Армада, Альфа-книга; Москва; 2001
ISBN 5-93556-107-7

Аннотация

Все изменилось на Земле. Нет деревень, проселочных дорог, лугов и пастбищ. Нет даже неба. Человечество укрылось от Космоса в бесконечно огромных городах под куполами.

...Нулевой уровень Европейского Купола, Трущобы. Вечер. Нескончаемый дождь. Поднимающаяся вода угрожает потопом. Под монотонный шум дождя случайно оказавшиеся вместе люди рассказывают истории об Алексе. Алекс – бесстрашный наемный убийца. Алекс – обманутый Конторой парнишка. Алекс – благородный разбойник. Алекс борется с Сатаной. Алекс карает предателя... За окнами не только дождь и ночь. За окнами – Гончие, существа, искусственно созданные для того, чтобы искать, догонять, жестоко рвать человеческую плоть. Гончие пришли за Максом. Для Макса не будет утра. А для Алекса?..

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	4
Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. Вечер.	5
«Видеть то, что не видят другие»	17
Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. Вечер.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктор Бурцев

Алмазный дождь

...В который раз на старом пустыре я запускаю в проволочный космос свой медный грош, увенчанный гербом, в отчаянной попытке возвеличить момент соединения...

И. Бродский

ВСТУПЛЕНИЕ

Трущобы.

Место, где кипит жизнь. Где она рождается, где она умирает, где она гниет, не в силах исчезнуть навеки. Это место, где за день можно нажать себе столько врагов, что хватит на всю жизнь. Это место, где зреет Завтра. Готовое взорваться, плюнуть в лицо дню сегодняшнему и наступить ногой на его смердящий труп.

В трущобах не нужно беспокоиться о будущем, если ты ухитрился доказать, что имеешь право на это будущее. Жилье находится по мере необходимости, еда по мере поступления, деньги... Деньги, как повезет.

А поэтому спектр возможностей в трущобах невероятно широк. Именно тут можно найти работу на день, которая накормит на целый год, и проститутку на ночь с таким фатальным набором болезней, что и целой врачебной клинике не разобраться. Впрочем, врачебную клинику тут тоже можно найти. Подпольную, конечно.

Кто-то видел мертвецов, свободно разгуливающих по улицам. Кто-то видел особо опасных государственных преступников. Кто-то ничего не видел, и таких большинство.

Трущобы. Возможно все. Новое тело. Старое тело. Герои прошедших дней, легендарные личности, которым не нашлось места в новой жизни.

Тут есть место всему. Не стоит удивляться.

Умереть, ожить и снова умереть, на этот раз навсегда.

Ворота между адом и раем, в тени которых приютился балаган. С какой стороны? Кто знает?

Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. Вечер.

Она устала просто так висеть под потолком и гореть. Она устала быть бессловесным предметом. Простенькая лампочка накаливания внезапно замигала желтым, нездоровым светом, привлекая к себе внимание. Моргнула в последний раз и, подтверждая тезис о том, что темнота это отсутствие света, погасла.

В тот же миг, как собаки по умершему хозяину, тревожно завывали все устройства бесперебойного питания, сообщая, что через пятнадцать минут вся пока работающая техника превратится в бесполезный хлам.

Человек в виртуальном костюме дернулся. В радужном стекле виртуального шлема отразилась темнота.

– Дерьмо! – со вкусом произнес человек.

Виртуальность медленно и неохотно вытаскивала свои щупальца из его сознания.

Пятнадцати минут подпитки электричеством как раз хватит, чтобы закрыть все потоки, вернуться в этот грустный аэропорт, называемый телом. Всю трагедию такого события могут понять только наркоманы, которых отпускает исключительно удачный «приход», пилоты-стратосферники, возвращающиеся домой, и киберы, жители виртуальности.

Когда настороженные, мигающие желтым огоньки на источниках бесперебойного питания сменились панически красными, человек снял шлем и вынул из своего тела контакты, бросив их безжизненными змеями на пол.

– Дерьмо! – снова повторил человек. Раскосые карие глаза безразлично окинули темную лачугу, в которой он жил. Белки глаз прошиты красной паутиной сосудов – человек был утомлен. – В следующий раз сломаю «Электросети».

Человека звали Керк. Он и сам не смог бы вспомнить – кличка это или настоящее имя. Да и какая разница? Керк, и все тут. Почти киборг. На кой черт киборгу имя и фамилия? Жив, и ладно.

Он подрабатывал мелким взломом, подделкой копирайтов, воровством. Грязной и низкоуровневой работой в виртуальности, единственном месте, которое было Керку по нутру, и, конечно, он никогда бы не смог поломать структуру защиты такой серьезной организации, как «Электросети». Не по Сеньке шапка.

Еда, терминал и электричество. Все, что было необходимо Керку для жизни. Иногда наркотики. Еду он воровал, отнимал, реже покупал, пуская все деньги только на терминал и сопутствующие программы. Электричество воровалось у государства, что являлось естественным делом для этих мест.

Текущая крыша, грязь, насекомые-мутанты, люди, недалеко ушедшие от насекомых, сомнительные связи и подозрительный статус без пяти минут кибера... Шелуха. Все это не имело значения.

Все, что имело значение для Керка, заключалось в еде, терминале и электричестве.

И иногда – в наркотиках. Иногда. Не часто, только в экстренных случаях... Ну, вы понимаете.

Виртуальность отмывала его грязную жизнь, латала дыры в бесконечно сменяемых домах и одежде. Кормила.

Виртуальность непорочная и чистая во веки веков.

Но сейчас один из основных столпов, на которых базировалась жизнь Керка, пошатнулся.

– Хрень какая, даже не позвонить никому... Хрень, одно слово. – Он взглянул в забранное прозрачным пластиком окно. Пластик уже износился и был прорван в нескольких местах, потерял прозрачность.

Керк отколупнул грязным пальцем ссохшиеся, мутноватые частички полимера, и через образовавшееся отверстие на него посмотрела серая, мокрая и пахнущая псиной улица.

Дождь, который лил уже несколько дней, навел щемящую смертную тоску.

«И ширнуться нечем», – подумал Керк.

Мысль о «ширеве» навела его на еще более мрачную мысль об отсутствии денег, долгах... Нужно было срочно что-то делать.

Керк резко выдохнул, хлопнул ладонями по бедрам, затянутым в кожаные черные, с кислотными разводами брюки.

– А не пойти ли «за покупками»?!

«Пойти за покупками» означало на местном жаргоне отправиться на поиски приключений. Осмотреть местность, набить какие-то объекты для краж или точки для дальнейших переездов... Говоря упрощенно – устроить променады.

Что Керк и сделал, нырнув с разбегу в серую влажность улиц.

Мимо. Мимо. Автоматические забегаловки. Заляпанные грязью окна подвальных помещений. Мимо. Мимо. В грязных подворотнях сияющие чистотой рекламные голограммы. Единственный источник света в придонном пространстве сросшихся над головой домов мегаполиса. Мимо. Мимо. Тело человека. Живое? Тянется тонкой струйкой что-то темное... Куртка смята, кажется, что она вдвинута куда-то внутрь. Мимо. Мимо. Тут уже нечего брать...

Улицы, переулки, люди, киберы, дождь.

Трущобы, огромный отстойник, перевалочный пункт для многочисленных отбросов разноцветного общества, илистое дно, где таятся хищники, олицетворение ужаса для толстых карасей верхнего мира.

Когда Керк вернулся домой, в окнах горел свет...

«Хорошенькая новость... Дьявол, хорошенькая новость... Кого это принесло?» – лихо-радочно думал он, осторожно поднимаясь по лестнице.

Такие неожиданные визиты, мягко говоря, не поощрялись в этом районе. А если по-серьезному, то за такое дело можно получить заточку между ребер. Запросто. Человеческая жизнь ценится значительно дешевле «благоустроенного» жилья.

Вспотевший кулак крепко сжал обработанный на станке конусообразный штырь ладони в три длиной. Это оружие представляло достаточную опасность для бродяг, отважившихся на такое рискованное дело, как захват чужого помещения. Керку случалось отбиваться этим оружием от небольшой банды охотников за органами. И теперь он был исполнен решимости отстоять свои права на занимаемую площадь.

Керк поднялся по лестнице и осторожно толкнул незапертую дверь. Петли его не выдали. В прихожей было темно, из-под двери в комнату пробивался жидкий желтоватый свет...

Сглотнув слюну, Керк постарался успокоить не в меру разыгравшееся сердце. Не получилось...

Один шаг. Другой.

По спине противно катились холодные капли дождя, попавшего за воротник. Какой-то мусор поскрипывал под тяжелыми военными ботинками. При каждом новом звуке Керк замирал и прислушивался.

Рука осторожно потянулась к пластиковой ручке. Медленно. Медленно. Как сонная ящерица, замерзшая в ночи страха.

– Входи... – раздался приглушенный голос из-за двери. – Входи, не бойся.

«Вот это номер! – ошарашенно подумал Керк. – «Не бойся» Надо же... Это в свою-то квартиру!»

Он действительно считал эту брошенную халупу своей квартирой...

За дверью ждали.

Керк кашлянул и решительно повернул ручку. Дверь с легким скрипом («Странно, раньше не скрипела») отворилась, впуская хозяина.

Мягкий свет слабосильной лампочки заливал помещение. Терминалка и системы жизнеобеспечения были аккуратно сдвинуты к стене. Керк обратил внимание, что ничего не было тронуту или отключено, просто сдвинули, а центр комнаты занимал невысокий столик, покрытый белой тканью. Такой чистой, гипнотически белой, если бы не два-три красных пятнышка размером в десятикопеечную монету.

Композицию довершала небольшая коробочка с какими-то хирургическими инструментами, на глаза Керку попали также обрывки ниток. В комнате никого не было.

Внутри похолодело...

«Если какая-нибудь сволочь подписала меня на органы... Крышка. Не отмахуюсь... Вот попал так попал». – Керк сделал шаг назад.

– Нет-нет, не уходите, – слышалось со стороны кухонного агрегата, и в круг света вошел человек.

Керк сразу вцепился в него внимательным взглядом.

Темно-русые волосы, падающие на лоб. Бесцветные глаза, зрачки которых больше смахивают на черный срез дула. Рост средний. Телосложение... Ну, так себе. Ничего особенного. Правда, есть очень неприятное ощущение, что захоти человек оказаться рядом с Керком, то сделал бы он это одним движением. Во всем его облике что-то от стремительности змеи перед атакой.

Портрет дополнялся полуспущенной с одного плеча кожаной рубашкой («натуральная кожа, между прочим. Дорогая. Или бронежилет, кто его разберет?») и свежим шрамом в области груди. Через глянцево поблескивающий заживляющий коктейль можно было увидеть черные остья хирургических ниток. Правая рука аккуратно уложена на перевязь.

Керку доводилось видеть таких людей. Слава богу, не часто и только в полицейской хронике.

Убийца. Может быть, профессионал, может, военный кибер, может, и то и другое. Не самурай, а именно убийца. Самураи одеваются ярко, по-сумасшедшему, привлекая к себе клиента и проблемы, действуя по старому кодексу, гласящему: «Самурай стремится к смерти». Этот – нет! Этот стремится выжить и жить так, как ему хочется.

– Вы хозяин этой квартиры? – Человек обладал довольно приятным голосом.

– Да, – тихо ответил Керк и понял, что его сейчас убьют. Штырь вывалился у него из рук.

– Очень хорошо, – ответил человек, с любопытством окинув взглядом самодельное оружие. – Зовите меня Максом. Вы...

– Керк... Просто... – Керк почему-то смешался. Что-то смутило его: то ли необычная дружелюбность гостя, то ли откровенно выдуманное имя, присвоенное этим страшноватым человеком.

– Действительно просто, – подтвердил Макс и что-то кинул на белый столик. Большой черный пистолет.

Керк смотрел на этот предмет, резко выделяющийся на белой ткани, и чувствовал, как отпускает невероятное напряжение. Как начинают мелко дрожать колени, как подступают слезы.

«Господи, я ведь чуть-чуть не обмочился, – беспомощно подумал он. – Ведь эта штука была у него в руке... Все время. Оказывается, мне очень хочется жить... Оказывается».

– Входите, что вы в дверях встали, – продолжил Макс. – Вы, я надеюсь, не станете возражать, если я останусь у вас некоторое время? На улице на редкость плохая погода.

Керк тяжело сглотнул и затараторил:

– Конечно-конечно... Я не против, конечно... Я, собственно, собирался в скором времени съезжать, так что если вы хотите остаться надолго...

– Нет, – прервал его гость. – Надолго не планирую. Только пока дождь не прекратится.

Керк подумал, что дождь – явление довольно постоянное, но ничего не сказал. Титанический город являл собой целый мир, со своим климатом и своей экологией. Где-то наверху, в верхних ярусах города, наверняка светило солнце, дули чистые ветры... Но не тут. Не в трущобах. Макс, вероятно, отлично знал об этом, и его «пока дождь не прекратится» означало просто вежливую форму фразы: «уйду, когда надо будет».

Макс тем временем присел возле столика и начал собирать хирургические принадлежности. Керк отважился подойти к своей терминалке. Взялся за контакты, не зная, что делать.

– Вы виртуальщик? – спросил Макс.

– Да...

– А практикуете что?

– Что?

– Я имею в виду, чем на жизнь зарабатываете? Понимаю, вопрос в этих местах неуместный, но все-таки. Знаете, никогда не знаешь, какое знакомство может пригодиться.

– Да-да... Я понимаю. Мелочами всякими. – В голове Керка мелькнула дурацкая мысль: «А вдруг полиция?!» Он отогнал непрошеную гостью и продолжил: – Копирайты, мелкий взлом... Всякие шумовые эффекты...

– Это как? – Гость даже не поднял головы от столика.

– Это так, поддержка крупных прорывов. Знаете, когда кто-то ломает что-то большое, нужно распределить давление защиты. Создать множество целей. Так труднее засечь направление главного удара.

– Ага. – Макс осторожно сворачивал белую тряпочку. – Понимаю. Это знакомо.

Керк набрался наглости. В конце концов, это его квартира!

– А вы?..

Гость повернул голову в сторону хозяина.

Взгляд прозрачных глаз сделался прицельным. Керку показалось, что его моментально обыскали, поставили лицом к стенке, завязали глаза и прицелились в затылок.

– Я коммивояжер... – произнес Макс с нажимом.

– Понял... понял... – Керк закивал головой и брякнул невпопад: – А у нас электричество отключают. Иногда.

Наступила пауза. Затем гость пробормотал:

– А у нас на кухне газ... – и вернулся к прерванному занятию.

«Дьявол, что ж я говорю? Что я нарываюсь? Надо успокоиться... – Керк потер вспотевший лоб. – Надо успокоиться...»

– Я у вас надолго не задержусь, – произнес Макс в никуда. – Пережду дождь и уйду.

– Дождь?

– Да. – Макс оторвался от складывания вещей. – Я уже говорил это? – Он ухмыльнулся. – У меня случаются небольшие провалы в памяти. Особенности одного ранения. В моей профессии...

– Коммивояжера, – вставил Керк и прикусил язык.

– Да, коммивояжера, очень опасная профессия, я вам скажу, случается разное. В одном из своих туров я получил рану в голову. Три месяца валялся по клиникам.

– Три месяца? – переспросил Керк. Лежать в клинике так долго мог позволить себе только очень-очень преуспевающий человек.

– Именно. Серьезная рана. При нынешнем уровне медицины... Три месяца... – Макс сделал вид, будто не понял подвоха. – И, как видите, с последствиями.

– А что вы продаете?

– Разное... – Макс покрутил в воздухе пальцами. – Очень разное. Иногда просто работаю посыльным. Знаете, приношу послания от одних людей другим.

– Послания?

– Ну да... – Макс поднял с пола маленький чемоданчик и аккуратно уложил туда инструменты, тряпочку. Керк вытянул шею. В чемоданчике что-то блеснуло. Тускло, как может блестеть только вороненая сталь.

– Понятно... – протянул Керк.

За окном с новой силой припустил унявшийся было дождь.

«Если это продлится хотя бы до условной полуночи, то в трущобах можно будет объявлять тревогу. Подвалы затопит на хрен, не говоря уж о канавах и прочих бомжатниках, – уныло подумал Керк. – На средние ярусы охрана, конечно, не пустит, и начнется давка».

В трущобах никогда не бывает полудня, не бывает солнца, в лучшем случае – унылый серый туманец, покрывающий то, что тут иногда называют небом. В трущобах никогда не бывает полуночи, луны, свет многих тысяч фонарей, рекламных огней верхних ярусов превращает ночь в грязный серый сумрак, который гораздо опаснее полной тьмы. Город. Конгломерат многих городов, стран. Европейский Купол.

– Крупно припустил, – заметил Макс, глядя в окно. Через дыры в пластике были видны сплошные потоки воды, низвергающиеся с туманных небес.

– Крупно, – грустно согласился Керк. – Еще чуть-чуть, и уровень воды начнет подниматься. Поплывем...

– Не поплывем, этот дом стоит достаточно крепко. Тут неподалеку Седьмая Северная опора, а архитектура в зоне опор всегда отличается прочностью. Даже на дне.

– Вы, я смотрю, все знаете...

– Естественно, – улыбнулся Макс. – Я же коммивояжер, бываю везде.

Керк подумал, что не успел заметить, как Макс перестал играть «крутого парня». Просто переменилось что-то в мимике, незаметно что-то исчезло в интонациях... Начни он разговор подобным образом, действительно можно было бы подумать, что перед тобой стоит коммивояжер. Керк даже чуть-чуть засомневался: может быть, не было пистолета и был ли тот чемоданчик с блеском вороненой стали внутри?

Нет, был. И есть. Вон он, стоит возле ножки стула.

Макс с самого начала дал понять, с кем имеет дело хозяин дома. Во избежание.

И, наверное, правильно сделал.

Керк вздохнул и направился в угол, к терминалу.

– Что ты собираешься делать? – В невинном вопросе Макса прозвучало что-то, требующее немедленного ответа. Наверное, вороненая сталь.

– Собираюсь забраться в виртуальность... Если ты не будешь возражать. – Керк тоже перешел на «ты».

– Нет, что ты, не буду... – Коммивояжер расплылся в улыбке, но тот другой, которого Керк видел в начале беседы, подозрительно сощурил глаза: – Если кто-то придет? Я тебя разбужу?

Керк неопределенно пожал плечами:

– Виртуальность – это не сон... Я вполне нормально осознаю происходящее, просто это... – Он задумался. – Все реальное как бы идет фоном. Понимаешь?

– Понимаю, – уверенно кивнул Макс.

Он снова потянулся к своему чемоданчику. Керк не стал подглядывать. Чему быть, того не миновать.

Когда вымышленный мир мягко проник в сознание Керка, ему было уже на все наплевать. На убийц, прикидывающихся торговцами, на торговцев, которые на деле были убийцами, на дождь, на бомжей, на власть. Керк был далеко. Он был другим. Огромным, маленьким, могучим, беспомощным, всепроникающим...

Описывать это бесполезно, как бесполезно описывать то, чего нет, но все подсказывает, что оно есть. Так невозможно описать словами Бога. А виртуальность была самым великим божеством этого времени.

«Мне нужна служба безопасности города... – думал Керк, лавируя в потоках нулей и единиц. – База данных. Служба стрим-новостей... Я просто импульс для вас... Случайный посетитель... Вы не знаете, откуда я...»

Когда перед ним возникла приемная, он знал, в какую дверь нужно пройти. «Запрос» – значилось на табличке. Керк повернул ручку и вошел. Интерпретатор виртуальности мигом состряпал стол, стулья и клерка, сидящего напротив.

– Здравствуйте, – приветливо, но не слишком тепло сказал клерк. – Вы хотели бы получить данные о каком-то событии, человеке, дате?

– Мне нужны данные о человеке.

– Ваш допуск?..

Керк выложил на стол чистый лист бумаги. База данных службы безопасности была самой простой для взлома. Для нее не требовалось почти никаких знаний. Только использование определенных программ, способных заикнуть охранный модуль. «Чистый лист» был из этой серии.

Клерк уперся в него взглядом, как будто никогда до этой поры ничего подобного не видел. Позади него образовалась дверь, в которую и вошел Керк.

Говорили, что Департамент Защиты Общественной Информации, в сокращении – ДЗОИ, собирается нанять действительно хороших программистов для усовершенствования модулей защиты. По виртуальности проходила информация, что это уже произошло, но новые модули пока не пущены в дело или пущены, но работают очень хитро... Насколько такие слухи достоверны, Керк не знал, да и особенно не интересовался. Он, как и большинство людей, зарабатывающих на жизнь незаконной работой в виртуальности, не думал о будущем. Будет новый модуль защиты, будет и новый взломщик...

Кружение световых пятен, вспышек... Разводы разных красок по холсту, и в это все кто-то стреляет из мушкета разными цветами. Кляксы...

Вот что увидел Керк, войдя в дверь. Тут нечего было интерпретировать, тут была чистая информация, просто поток данных. База.

– Запрос, – произнес Керк.

– Параметры? – спросил приятный женский голос.

«Странно, почему автоматические интерпретаторы всегда разговаривают женским голосом?» – удивился Керк и передал программе параметры из визуальной памяти.

– В списках не значится.

– Проверить по спискам жителей.

– Не значится.

– По спискам, поданным в розыск.

– Не значится.

– По любым другим спискам!

– Запрос не ясен.

– Логично... Мне требуется максимум информации на этого человека.

– Запрос находится вне моей служебной компетенции, вам, возможно, необходим анализатор. Запросить?

– Да.

– Анализатор к вашим услугам, – произнес тот же самый голос.

– Мне требуется информация по этому человеку. – Керк снова вытащил слепок из визуальной памяти.

– В разработке... – Кружение световых пятен немного замедлилось.

Керк терпеливо ждал продолжения. Он знал, что сейчас от места, где находится он, по всей виртуальности расходятся круги. Круги повышенной активности, загрузки каналов, расширенных запросов. Конечно, все это существовало только в его воображении, как и вся виртуальность, если вдуматься. Живое воплощение абстрактного мышления. Однако именно по этим воображаемым кругам можно было просчитать место входа Керка в виртуальность. Чем и занималась, точнее, должна была заниматься, Служба Безопасности Информационных Технологий, сокращенно – СБИТ. Метод старый, надежный и повсеместно известный. Во время крупных прорывов массой мелких волнений обычно прикрывали основное направление удара. Мелкие волны создавали такие сошки, как Керк, а в основном направлении шла тяжелая артиллерия, стационарные киберы при поддержке кустарных ИскИнов.

В идеальном случае оперативники СБИТа, постоянно висающие в виртуальности, должны были отслеживать нелегальный вход в Виртуальность и обрывать входной канал вместе с автоматическим уведомлением полицейских сил района о местонахождении правонарушителя. Однако отследить несанкционированный вход, произведенный из трущоб, не представлялось возможным из-за огромного количества подобных правонарушений, а уж выслать по обнаруженному адресу патруль было вообще чем-то из разряда утопий.

Такое положение дел и позволяло Керку сидеть в виртуальности днями. Иногда без перерыва на еду...

– По запрошенным параметрам удалось обнаружить несколько видео. Документальной информации нет. Налоговой информации нет. Полицейской информации нет. Доступ ограничен. Показать видео?

Керк задумался. Найти видео можно было на любого жителя города. Контрольные камеры, висающие на улицах, в кафе, ресторанах, любых общественных местах, а часто и в квартирах, складировали фиксированную информацию в бездонные просторы виртуальных баз данных. Тот факт, что по поданному запросу не обнаружено никакой полицейской информации, означал, что криминала в видеороликах нет, потому что любой мало-мальски криминальный оттенок в видео тут же фиксировался в персональном деле жителя города. Естественно, что все персональные дела находились в ведении полицейского департамента. Однако, судя по всему, и дела-то на Макса в полиции не было...

– Да, показывай, – отдал приказ Керк.

В тот же миг его продрогшее тело опалило, обожгло. Показалось, что стало нечем дышать. Перед ним, вечным жителем трущоб, горело солнце. Настоящее солнце верхних этажей...

Люди. Улыбки. Слова. Мельтешат, толкуются. Ходят. Живут.

Керк не видел своего гостя, хотя тот встречался на всех видеороликах. Керк видел только этот мир. Мир, в котором ему не жить... Наверное, никогда.

Керк почувствовал, что задыхается.

– Отбой... – вырвалось из его груди сдавленное карканье. – Прекрати...

И снова кружение световых пятен, цветовых вспышек... Разводы разных красок по холсту, и кто-то стреляет из мушкета разными цветами. Кляксы...

– Вы хотите прервать анализ личности? – поинтересовался женский голос.

– Да.

– Выполнено.

Что-то шевельнулось в голове Керка.

– Постой, что ты сказала?

– Запрос не ясен.

Керк плюнул и восстановил данные из оперативной памяти.

Как будто со стороны он увидел себя, медленно прокрутил события до появления видеороликов. Два слова обожгли его, как то Солнце, которое он видел только в несуществующем мире...

«Доступ ограничен».

Керк провел рукой перед глазами, закончил работу с программой. Теперь он снова был просто в Виртуальности. Просто человек. Просто нелегальный вход. Или выход?

«Доступ ограничен».

Эти слова означали, что запрашиваемые данные находились в ведении властей Всевропейского Анклава. Сообщества Городов, высшей формы государственной власти на континенте. Попасть в эту базу данных было не по зубам никому. Титаническая информационная структура Анклава никак не соприкасалась с аналогичными структурами городов.

В нее возможно войти, только находясь в физическом контакте с главным ИскИном. Любые запросы посылались в Анклав через физическую почтовую службу.

Человек, все сведения о котором хранились в базах Анклава, был очень крупной шишкой, криминального или правительственного уровня, не важно.

– Выход, – скомандовал Керк.

Пространство потеряло объем, съежилось, упало к ногам. Из тела медленно уходили остатки Мечты. Вместе с контактными разъемами.

Когда Керк снял с себя все провода и ощутил себя в тусклой реальности, в комнате кроме него и Макса был еще кто-то.

Керк кинул косой взгляд на гостя:

– Ты же обещал разбудить. Макс пожал плечами:

– Но ты же не спал... Сам сказал, реальность не пропадает для тебя, а остается фоном.

Третий человек удобно расположился возле стены. Он сидел прямо на полу, совершенно игнорируя тот факт, что под ним уже образовалась лужа. В воздухе ощутимо попахивало псиной.

– Ты кто? – спросил Керк, для верности пощелкав в воздухе пальцами, отчего пришелец оторвался от созерцания потолка и уставился на Керка.

– Тебя что интересует? – вопросом на вопрос ответил сидящий у стены. – Код сборки или идентификационный номер в государственном регистре? Последнего у меня нет.

Он говорил вызывающе, как говорят только киберы.

– Понятно... – протянул Керк, стараясь определить, насколько серьезная проблема свалилась на него на этот раз.

– Сомневаюсь, – отрезал кибер и снова откинулся к стене, вперив взгляд в потолок.

Кибер с полувзгляда может отличить другого кибера. Или недокибера, но к нему и отношение... совсем другое.

Керк покосился на Макса, но того, похоже, мало интересовали взаимоотношения хозяина и гостя. Макс сидел на стуле, вольготно откинувшись на спинку, и рассматривал потоки воды за окном.

– Не дергайся, – сказал кибер в пространство. – Я уйду, когда дождь кончится.

«Старая песня, где-то мы это уже слышали...» – грустно подумал Керк.

– Что там снаружи?

– Паршиво, – пожал плечами кибер. – Вода прибывает. Аварийные сливы не справляются. Канализационные стоки сдохли первыми. Помоечники к себе все дыры законопатили. Им-то что, заняли коллекторы и сопят себе в противогазы, сволочи. А мы теперь захлебывайся.

– Действительно паршиво...

– А чего ты ожидал? – Кибер зло усмехнулся.

– Кстати, к нам еще гости... – как будто в сторону сказал Макс.

– Кто еще? – Керк испугался. Не неведомого гостя, а той остроты чувств, которая позволяла Максусу так ориентироваться в ситуации.

– А я откуда знаю... Сам у него спроси. – И Макс указал Керку на дверь.

Действительно, в дверях стоял человек, закатанный с ног до головы в искусственную кожу. Крупные косицы волос свисали мокрыми сосульками через прорези в костюме. Подбородок и лоб были также затянуты в кожу.

– Монаха нам только не хватало! – иронически заметил кибер, оглядывая пришедшего человека с ног до головы. – Святой отец, вы обознались, тут не ночлежка, и не приют, и уж тем более не церковь.

– Возможно, и не хватало, – согласился монах. – Такова, значит, была воля Всевышнего. А то, что это не церковь, я и без тебя вижу.

– Неужели? – удивился Макс.

– Именно так, – подтвердил монах.

– Ну хорошо, – легко согласился Макс. – А подружку вы нам когда собирались представить?

Монах несколько минут помолчал, оценивающе оглядывая Макса. Потом шагнул в темноту дверного проема и за руку вывел женскую фигурку.

– Тоже неплохо, – заинтересованно прокомментировал событие кибер.

Монах посмотрел на него пристальнее, глаза его ухватились за незаметные глазу детали одежды и клановые метки кибера.

Керку был знаком такой взгляд. Монах пытался определить, «под кем» живет и работает столь вызывающе ведущий себя полумеханизм-получеловек.

Кибер в ответ насмешливо созерцал подругу монаха.

Чтобы как-то разрядить обстановку, Керк кашлянул и обратился к пришедшим:

– Ладно, раз пришли, то оставайтесь... Но только как к вам обращаться?

Монах отвел взгляд от кибера и ответил коротко:

– Я Логус. А ее зовите Циркуль... Кибер презрительно фыркнул.

– Логус? – переспросил Макс. – Вы исповедуете Всемирный Порядок?

– Да.

– И имя Логус означает просто набор букв, годный для идентификации себя в миру? Монах кивнул.

– Замечательно, – подвел итог Макс и кивнул в сторону Керка: – Это хозяин дома, я и все мы – гости. Как я понимаю, только на время дождя...

– А он обещает быть довольно длительным, – перебил его Логус.

– Совершенно верно, – снова перехватил инициативу Макс. – Потому предлагаю как-нибудь занять себя. Тогда у нас получится нечто вроде групповой терапии. Слышали про такую?

– Это когда куча придурков выворачивают душу в компании? – спросил кибер.

– Довольно приблизительно, но суть ты верно схватил.

– Жаль, я думал, это похоже на групповой секс. – Кибер посмотрел на подругу монаха.

– Даже не думай, – ответила она, опуская толстый зад на пол возле противоположной от кибера стены. – В тебе что-нибудь замкнет от напряжения.

– И что вы предлагаете конкретно? – спросил монах.

– Ну... – Макс провел рукой по лицу. – Например, начать рассказывать друг другу истории.

Кибер захихикал. Циркуль закатила глаза и пожала плечами. Монах промолчал.

Макс посмотрел на Керка, но и тот особенного восторга не выказал.

– Ну как хотите, предложение остается в силе... – Макс развел руками. – Кстати, что у нас за окнами?

– Ничего утешительного, – сказал Керк, глянув на бытовой терминал. – Вода прибывает. В промышленной зоне отключены все потребители электричества, некоторые заводы встали. Жертвы... это мелочи... Паника, конечно... Канализация затоплена или просто не работает... Ничего хорошего, короче.

– Значит, ждем гостей, – высказал туманное пророчество Логус и упал рядом со своей подружкой.

В первый раз их атаковали через час.

Впрочем, атакой это было назвать трудно. Просто мелкая банда бомжей, стронутых с мест обычного своего обитания, попыталась занять помещение, пока еще пригодное для жилья.

В трущобах царили естественные законы, по которым тот, кто мог доказать свое право на что-либо, владел этим. Свободных домов, старых, рассыпающихся баракообразных строений, было в достатке. Занимай, живи, обустраивайся, если не боишься. Однако и тут находились люди, стремящиеся жить еще более легко. Бомжи. Ночуя просто на улицах, в подвалах, кочуя с места на место, банды бомжей не жили. Они существовали. Питаясь отбросами.

Такая жизненная позиция была бы понятна, следуй ей люди увечные, слабые, старые... Но нет. Бомжи трущоб Великого Города были нормальными, половозрелыми, голодными до чужого мужиками, трусливыми, а потому злыми. Невероятным образом гигантский улей городской жизни порождал трутней. Особую прослойку в среде придонного андеграунда.

Особенно стараться, чтобы скинуть бомжей с лестницы, не пришлось. Керк увидел, как сверкнуло что-то в руках кибера. Одна из серых, грязных теней осела бескостным мешком. Кто-то крикнул... И лестница опустела.

Позади что-то щелкнуло, но, когда Керк обернулся, Макс уже прятал тяжелый металлический предмет в сумку, потеряв всякий интерес к происходящему.

– Воняет, – сморщилась Циркуль. Ее волосы начали подсыхать, и Керк с удивлением обнаружил, что она не так уж и плоха, как показалось вначале.

– Хм... – Логус посмотрел на кибера. – Эффективно, но старомодно. Клинки в ладонях?

– Ну, не всем же из пушек шмалеть, – проворчал кибер и занял прежнюю позу.

Монах брезгливо поморщился и столкнул тело бомжа вниз. Оно неопрытным кулем прокатилось по ступенькам. Керк вдруг почувствовал тошноту.

Он отвернулся и пошел к терминалу. Сел, тупо глядя на бегущие по дешевому монитору строчки сообщений. Где-то затопило заводские подвалы, где-то произошел прорыв нечистот, где-то вспыхнул бунт группировки «Братья Травы». Один источник сообщал, что восстание подавлено силами патруля, другой утверждал, что «Братья» продолжают активно действовать и нанесли серьезный ущерб правоохранительным силам. Комментаторы переругивались, делали намеки на чью-то профессиональную несостоятельность...

– Что, хозяин, тошно? – тихо спросил кто-то за плечом.

Керк обернулся и увидел Макса, неслышно подошедшего сзади. От него пахло потом и еще чем-то, от чего щипало в носу, вероятно заживляющей смесью.

– Вижу, что тошно, – подтвердил Макс. – Только ты уж крепись, потому что гости твои не настроены на сантименты, как ты сам заметил. А этот приход не последний, и гости еще будут. У тебя оружие есть?

– Нет, – ответил Керк.

– А обращаться с ним умеешь?

– С чем?

– Резонный вопрос, но глупый. Или ты умеешь обращаться с оружием, или нет. Вопрос «с чем» уже вторичен. Как я понимаю, у тебя только та заточка?.. – И, не дождавшись ответа, Макс порекомендовал: – Так держи ее наготове. – Он внимательно посмотрел на Керка, а потом сказал громче, чтобы слышали все остальные: – Они вернутся. И как мне кажется, не одни. Имеет смысл выставить охранение. У кого-нибудь есть идеи?

Все молчали, и только кибер сказал:

– Ты предложил, ты и идеи выдвигай. Инициатива, сам знаешь...

– Чего-то подобного я и ожидал... – пожал плечами Макс. – И кое-что приготовил.

Он направился к своему чемоданчику и вытащил несколько предметов.

Черную коробочку он кинул Керку:

– Найдешь, куда подключить?

С остальными он вышел на лестницу.

Пока Керк возился с подключением, подошел монах. Помялся, постоянно оборачиваясь через плечо. Наконец, словно собравшись с силами, спросил:

– Ты этого... – он кивнул головой в сторону лестницы, – знаешь давно?

– Которого? – спросил Керк неприветливо.

– Того, что охранные системы пошел ставить... Как его?..

– Макс?

Логус кивнул.

Керк открыл было рот, чтобы сказать, что вообще не знает этого Макса, но почему-то остановился и вместо этого спросил:

– А тебе какое дело?

– Да никакого, в сущности, просто он уж очень похож на одну личность. Я сюда забрался не от дождя... Просто большой переполох в небе. Патруль туда-сюда, сканерами так и чиркают. Сам понимаешь... На всех столбах афишки висят, голографические... Денежки предлагают. – Монах помолчал, а потом выложил, как козырную карту: – И переселение на сектор вверх...

– Не интересуется, – буркнул Керк, понимая, к чему ведет Логус.

– Ну как знаешь... Если надумаешь, дай знать.

Монах отошел к своей подружке.

– Хозяин, включай! – донеслось с лестницы.

Керк надавил на единственную сенсорную кнопку на панели черной коробочки.

Некоторое время ничего не происходило, а потом терминал вместо привычной новостной стрим-ленты вдруг начал демонстрировать заливаемую водой улицу.

– Потянет. – Голос Макса звучал удовлетворенно.

– Что это? – спросила Циркуль.

– «Крысятница», – ответил Макс.

– Ну конечно, всем все стало понятно...

– Теперь все пространство вокруг дома контролируется, – пояснил Макс.

– Пока только кусок улицы, – неуверенно заметил Керк.

– Это только пока. Если начнется шевеление, мы об этом узнаем. Насколько я могу судить, положение еще не такое критическое... Иначе тут было бы веселее... Кстати, мое предложение остается в силе.

Никто не прореагировал.

Монах индифферентно разглядывал потолок, что-то про себя напевая. Циркуль занималась собственными ногтями, а киберу вообще на все было наплевать, его тело странно подергивалось.

– Чего это он? – спросил Керк у Макса.

– Под воду попал... Неудачно... Какими-то там швами или еще чем... Теперь колотится. Керк удивленно поднял брови.

– А чего ты ожидал? – спросил Макс. – Он же «левый», это сразу видно. Собрали в подвале и пустили... Таких знаешь сколько... Хотят много, но платить не желают. А любителей сбавить паленый брак с завода найдется немало. А может, просто на органы распродались, и все. Поставил что подешевле да попроще...

Кибер явно слышал этот разговор, но никак не прореагировал.

– Кстати, это мне напоминает одну историю... Хотите – расскажу?!

– Да пошел ты... – равнодушно произнес Логус.

– Пусть говорит, – прошептал кибер. – Пусть говорит...

Циркуль встала и начала рыться в коробках, сваленных кучей в углу.

– Что ищешь?

– Одеяло, – раздраженно ответила она. – Не видишь, его крутит... Козлы...

Керк встал, достал потертый спальный мешок:

– У меня только это... Циркуль вырвала у него из рук спальник и подошла к киберу.

Взяла его за руку:

– Выдвинь!

– Что? – Глаза кибера затуманились. Он с трудом осознавал происходящее.

– Выдвинь эти свои... – Циркуль потрясла его руку.

– Да отвяжись ты от него, – подал голос из своего угла монах.

– Пошел в задницу, – деловито сказала Циркуль. Она располосовала спальник лезвием из руки кибера, превратив его в большое одеяло.

Странно было видеть, как из живой плоти выдвигается острое, изогнутое лезвие, как коготь, как шпора у петуха.

Циркуль завернула уже бредящего кибера в импровизированное одеяло. Села рядом.

– Ну, давай, – сказала она. – Трепись. Макс пожал плечами и спросил у Керка:

– У тебя визуализатор есть?

– Старый... – ответил Керк, ища глазами необходимый прибор. – Разрешение там не очень...

– Пойдет любой, – заверил его Макс. – И даже лучше, если не самый новый. Полного погружения, сам понимаешь, не нужно.

Керк тем временем раскладывал голографические эмиттеры, раздавал обручи. Киберу обруч натянули по настоянию девушки. Такая забота с ее стороны была довольно странной. Это отметили все, особенно Логус, который, наблюдая заботу своей подруги о кибере, стал еще более язвительным и злым.

– Эта история, собственно, из очень далекого прошлого, – начал Макс. – Еще не было одного большого города, еще не было Анклава и до этого тупика было еще далеко. История не несет в себе никаких поучений, да и морали особенной нет...

– Кончай, а... – попросила Циркуль. – А то у меня уже лоб чешется... Старье какое-то нацепила...

Керк закрыл глаза. Визуализатор уже начал свою работу. Все погрузилось в темноту.

Где-то в черном небе выплыла красная надпись, и Керк понял, что Макс так представил название своей истории...

«Видеть то, что не видят другие»

... Мы однотонны и однолики.

Егор Летов

Дверь открыл молоденький друид. Посмотрел на пришедшего тусклым взглядом. Довольно пристально посмотрел, но как-то тускло. Алекс уже знал, что такой взгляд у человека может быть тогда, когда этот человек и не человек даже, а так, нечто вроде управляемой машины. Сейчас глазами этого молодого на Алекса смотрел начальник охраны. Решал: пропускать или нет. Образ, передаваемый через привратника начальнику, раскладывался на составные детали, анализировался и отсылался дальше. Куда – кто знает? Уж точно не молоденький друид и даже не начальник охраны. Через некоторое время высшему начальству передавалась точная и максимально полная информация о вошедшем.

Людьми друиды были только внешне. Независимо от ступени посвящения каждый из них был киборгом. Кто-то в меньшей степени, кто-то в большей. Кто-то еще сохранял свежесть натуральной кожи, а кто-то довольствовался специальными материалами, имитирующими человеческую кожу. Друиды были людьми новой культуры. Может быть, настолько новой, что она еще не дала ростков на грязной почве поствоенного перекроенного мира. Друиды не рекламировали себя, не лезли вперед. За ними было будущее, они не спешили.

Наконец молодой друид вяло качнул головой. Алекс вошел в крохотную прихожую. Дверь за спиной закрылась, молодой привратник сел на стул, сложил руки на коленях и замер. Алекс подождал немного, а затем слегка толкнул его в плечо. Друид открыл глаза, словно включился. Затем медленно поднял руку и указал на неприметную дверь.

Понятно. Алекс открыл дверь и попал в коридор. Такого же серого цвета, как и прихожая... В коридоре было множество дверей. Неширокие светящиеся полосы вдоль стен освещали коридор зеленоватым светом.

Церемониал приема посетителей у друидов был не на высоте.

В конце коридора распахнулась дверь, из которой изливался свет, яркий и несколько чужеродный в этом пыльном серо-зеленом коридоре. Алекса явно приглашали. Что ж, он не заставил себя долго ждать.

В комнате, куда он вошел, его встретил друид, которому на вид можно было дать не более тридцати. Алексу пришлось круто изменить свое мнение после того, как друид повернулся и посмотрел ему в глаза. Такие глаза может иметь камень, поросший мхом, вросший в жизнь, как в землю. Друид был стар.

– Зовите меня Гюнтер, – произнес друид, опускаясь в кресло и указывая Алексу на точно такое же, стоящее напротив. Больше никакой мебели в комнате Алекс не заметил. Прямоугольное пространство со светящимся потолком и два кресла.

– Вы немец? – спросил Алекс.

– Я друид, – ответил Гюнтер, ничуть не изменившись в лице.

Алекс сделал жест, обозначающий согласие со словами собеседника.

– Вы хотели сделать улучшение? – после некоторой паузы спросил друид.

– Да. Если так можно выразиться. Может быть, улучшение. Может быть, модификацию. – Тон, которым Гюнтер сказал слово «улучшение», Алексу не понравился.

– Улучшение зрения? – Друиду было явно все равно, как его клиент предпочел бы называть операцию.

– Да.

– А точнее?

– Один глаз. Правый...

– Вы уже были нашим клиентом. – Это был не вопрос, а констатация, и Алекс не стал лишним раз открывать рот. Голос Гюнтера звучал бесстрастно. – Вы усиливали память, меняли часть костной структуры ребер и рук, делали мышечную оптимизацию и заменили кое-какие нервные волокна. Замену органов мы не берем в расчет. Мне кажется, что вы должны просмотреть каталог возможных улучшений для глаз. С учетом предыдущих операций я покажу вам не весь список, а только ту его часть, которая, на мой взгляд, могла бы вас заинтересовать.

Друид на мгновение отвел глаза в сторону, и Алекс заметил, как взгляд Гюнтера затуманился, стал тусклым, как у молодого привратника, что впустил Алекса в здание. Друид определенно с кем-то связался. Может быть, с основной базой данных, может быть, с кем-то из сотрудников. Через секунду дверь позади Алекса распахнулась и ему на колени лег толстый каталог в черном переплете. Алекс с изумлением осознал, что держит настоящую бумагу. Твердую и чуть шершавую.

– Верже, – с внезапной грустью произнес ДРУИД.

– Что такое верже? – спросил Алекс, проводив взглядом другого друида, который принес каталог.

– Дорогая бумага прошлого столетия, – ответил Гюнтер. – Она была дорога в прошлом столетии.

– Почему вы не используете машины, компьютеры? – Алекс поймал себя на том, что рефлексивно начал говорить с друидом, как с дикарем.

– Мы используем, – сказал Гюнтер и взглядом указал на каталог. – Первая часть посвящена улучшениям цветовосприятия, вторая часть – улучшениям ночного видения, третья – конгломерирует первые два. Цены указаны после описания, в стандартной местной валюте.

Алекс наугад открыл страницу, ощущая, как движется бумага под его руками. Перелистнул еще несколько страниц, не читая.

– Я и так знаю, что мне нужно.

– Да? – Друид оживился, или это показалось?

– Мне нужна система слежения и наводки. С ограниченным управлением на руки.

– Почему с ограниченным? – Гюнтер смотрел в сторону.

– Я не люблю терять контроль над любой частью своего тела. Да, система наводки под пистолет.

– Почему не под ружье? – Друид по-прежнему изучал что-то в стороне.

– По кочану, – неожиданно для себя произнес Алекс.

Гюнтер оторвался от созерцания пола и посмотрел на Алекса. И то хорошо.

– Мы не производим таких операций, – спокойно сказал друид.

Алекс ждал.

– Задешево... – наконец добавил Гюнтер.

– Я и не требую сделать мне это за две копейки.

Друид помолчал с отсутствующим видом. Его отсутствие настолько явственно ощущалось в комнате, что Алексу захотелось потрогать Гюнтера, чтобы проверить – не с голограммой ли он общается.

Вскоре друид вернулся, явно чем-то обеспокоенный. Он посмотрел на Алекса и спросил, четко артикулируя:

– Кому мы обязаны вашим визитом? – Алекс понял, что сейчас общается не с Гюнтером, а с кем-то, кому друид предоставил свое тело для разговора с Алексом.

Алекс назвал имя человека, который направил его сюда, и понаблюдал за реакцией друида.

Вернувшийся из «откуда-то» Гюнтер, ни слова не говоря, проводил его в другую комнату... Друиды всегда делали операции быстро. Сразу.

Операции на глазном яблоке всегда самые неприятные. Можно быть более чем на пятьдесят процентов киборгом, можно иметь руки-манипуляторы и совершенную память, измеряемую терабайтами, можно иметь сердце из пластика и синтетические управляемые нервные окончания, но всегда тяжело, психологически тяжело подставить хирургу глаза. Даже если хирург – друид, точный как машина.

И всегда нелегко лежать после операции в темноте. В слепой темноте, изредка прерываемой рваными всполохами восстанавливающихся нервов. Поэтому прооперированных накачивают наркотиками до предела, чтобы исключить возможные осложнения...

Телу было хорошо. Хорошо и свободно. Хотя Алекс знал, что он пристегнут к креслу так, что пошевелиться совершенно невозможно. Телу было легко, словно над ним плыли мягкие пуховые облака... Тело овеивал ветер, прилетевший с земляничных полей... И просверки срастающихся глазных нервов казались сверкающими гранями алмазов.

Друиды обладали самыми сильными и самыми редкими галлюциногенами, они сами синтезировали эти вещества и никогда не продавали их на сторону. Только в пределах колонии. Только тут, после операции, обязательно после операции, клиент мог насладиться неведомыми ему ранее удовольствиями и ощущениями.

Алекс лежал в наркотической дреме уже два или три дня. Ему отводился еще один день на освобождение от последствий наркотического опьянения, после чего заживляющие повязки снимут. Каждый день к нему приходил Гюнтер и информировал его о том, сколько времени Алекс находится в клинике и сколько ему еще осталось, как проходит заживление нервной ткани. Видимо, это делалось для того, чтобы Алекс не терял связи с реальностью. В этот раз все было так же... Но только разговор с Гюнтером был оборван на середине. Он как раз ввел последние капли своего зелья и уже начал что-то говорить... Затем разговор прервался. Гюнтер замолчал, и что-то большое и достаточно тяжелое упало Алексу на колени, чуть ослабла стягивающая правую руку лента. Алекс еще успел что-то спросить, но потом ощутил, как его подняло в воздух и понесло вверх. Потом вниз... Снова вверх... Сквозь облака и ветер, травы проросли сквозь Алекса, жуки пробежали по его нервам. Стало хорошо, захотелось смеяться... Одна только мысль преследовала его в этом сладостном сне – что за странный свист он услышал за миг до того, как разговор с Гюнтером прервался. Или это только послышалось? Мысль затерялась, осталась где-то позади.

Первое, что увидел Алекс, когда наконец освободил руку и осторожно стащил со своих глаз повязку, была голова Гюнтера. Прямо у него на коленях. А тело лежало где-то под операционным столом. Белое покрывало, под которым лежал Алекс, было залито кровью, уже успевшей основательно застыть коричневой коркой. Алекс избавился от наголовных повязок и освободил левую руку. Осмотрелся. В комнате было пусто. Дверь в комнату была распахнута. Алекс был бы плохим наемным убийцей, если бы не освободил тело от закрепляющих лент в считанные минуты. Встал. Тело слушалось достаточно хорошо. В зрении Алекс пока не заметил особенных перемен. Наблюдая за дверью, он осмотрел тело. В голову пришла совершенно неуместная шуточка: «В лесу обнаружен труп, без признаков насилия и без головы».

Выходя из здания, Алекс не встретил ни одного живого человека. И ни одного живого друида. Он обнаружил операционные, где видел приблизительно одинаковую картину. Зарубленные друиды и мертвые пациенты на столах.

В крохотной прихожей смотрел в никуда молодой друид-привратник. Алекс задержался в этом помещении. Наклонился над разрубленным наискосок телом. Похоже, даже на собственную смерть привратник смотрел не своими глазами.

Миловидная девочка, только что поступившая на работу в качестве новой ведущей на один из престижных каналов стрим-новостей, позволила себе слегка поморщить свой очаровательный носик, когда на экран выплыли фотографии разрубленных тел. Она спокойно

прочитала текст о жестоком нападении неизвестных террористов на колонию-клинику секты друидов и перешла к другим сообщениям и репортажам. В тот же вечер она была уволена за несостоятельность, что поставило жирный крест на ее карьере. Заведующий каналом считал, что ведущий должен быть абсолютно невозмутим, даже если читает сообщение о всемирной катастрофе, а в студии кого-то расстреливают.

Утро. Почему оно всегда такое розовое? Каким бы серым ни был мир вокруг, утро всегда пытается окрасить его в какие-то нежные цвета...

Летом солнце встает рано. И, может быть, поэтому в эти часы так хорошо спать? Может быть, поэтому в эти часы никто не выглядывает из окон и не шумит в ответ на два хлопка, гулко прокатившиеся по улице? Или из-за розовой истомы, что навалилась на город, мусороборочная машина свернула в переулок, едва заведя упавшего на дорогу человека с дырой в голове? Вряд ли...

Алекс даже успел разглядеть глаза водителя за стеклами мусоросборника. Вытаращенные. И дергающаяся щека. С этим все ясно, он сегодня утром ехал по совсем другой улице и ничего не видел. Вот и ладно.

Телом, лежащим на асфальте, Алекс не интересовался. С расстояния пяти метров он бил без промаха. Один выстрел в грудь, второй в голову. Точно в лоб.

Странная штука человек. Был, шел куда-то, обидел кого-то или встал на пути у кого-то... Потом два выстрела, и две свинцовые капли превращают человека в тело. Без опознавательных знаков. Просто тело. Чья-то память будет хранить его живой образ, а от тела избавятся, как от ненужной игрушки.

Алекс повернулся и, особо не спеша, пошел по утренней улице. Ему предстояло заметить следы, сделать один звонок и получить деньги с безымянного счета в представительстве заграничного банка. Дело завершено. Простое дело. Кого-то этот пожилой человечек не устроил. То ли знал много, то ли думал, что знает. Однако знания его явно не защитили.

Алекс миновал целый квартал, когда понял, что за ним следят. В нескольких десятках метров позади за ним шел высокий, ничем, кроме своего роста, не выдающийся человек. Алекс свернул с намеченного пути и начал углубляться в дебри микрорайона. Человек не отставал. Можно было уйти... Но почему-то, Алекс даже сам не понял почему, уходить не хотелось. И Алекс, завернув за угол, направился к ближайшей станции подземки.

Естественно, на станции никого не было. Служащие корпораций, ранние пташки, добираются до своих рабочих мест на транспорте корпорации, а всем остальным еще нечего делать в такое время на станции метро. Пустота. Алекс зашел за колонну, достал пистолет и стал наблюдать за входом.

Никого! Либо слежка ведется на высоком уровне, на очень высоком... Либо пора вспомнить поговорку о пуганой вороне.

Подождал поезд. На лестнице по-прежнему никто не появился. Поезд, резко зашипев, закрыл двери и умчался, всасывая мусор за собой в шахту.

Никого.

Станция была знакомой. Тут у Алекса имелись пути к отступлению. И довольно неплохие. До ближайшего поезда, судя по часам, еще было минуты полторы. Хватит.

Прыгнуть на полотно просто, сложнее попасть на довольно узкую дорожку для служебного пользования. По ней можно идти. Алекс пробежал десяток метров по этой дорожке и нырнул в стенную нишу, толкнул дверцу и оказался в совершенно другой подземке. В лабиринтах ходов, которые использовались при строительстве метро, а потом были оставлены за ненадобностью. Ходить просто так тут было опасно. Слишком велик риск наткнуться не на того человека... Или на нечеловека. А то и просто заблудиться, запаниковать и выскочить из лабиринта точно под поезд. Карты таких проходов не существовало в принципе, поэтому искать кого бы то ни было в этих темных коридорах было совершенно бесполезно.

Сам Алекс знал всего лишь несколько тропинок, несколько путей, которые выводили его в определенные точки города, и пользовался ими только в случае крайней нужды.

Под ногами что-то хлюпало, влажно поблескивали стены. Единственными источниками света в этих коридорах были ручейки слизи, комки светящейся грязи, отходов большого мегаполиса. Что гнило в этих кучах мусора, что давало нежный и мягкий, словно пыль, зеленоватый свет, Алекс не знал. Вряд ли тут было что-то радиоактивное, городские службы следили за уровнем, вероятно, какие-то химические реакции...

Коридор, по которому шел Алекс, был хорошо освещен. Почему-то именно в этом коридоре скопилось большое количество светящегося мусора... Стараясь не шуметь и не наступать в скопления «осветительной» грязи, Алекс продвигался вперед. Замирая перед черными провалами пересекающихся туннелей, постоянно держа оружие наготове. В темноте что-то шевелилось, вздыхало. То ли оседала многолетняя грязь, то ли бегали крысы, то ли ворочались немногочисленные в этих местах городские бездомные, еще более страшные, чем крысы.

Конец пути был близок. Совсем близок, когда из-за поворота вдруг показалась фигура человека. Алекс замер. Рассмотреть детали при таком освещении было невозможно, можно было различить только силуэт. Обычный человеческий силуэт... Впрочем, кто знает, что сейчас может скрываться под внешностью обычного человека?

Алекс держал человека на мушке, прислушиваясь к звукам за спиной. Стрелять не хотелось. Во-первых, пистолет без глушителя и звук разнесется по коридорам, предупредив всех, что в туннелях посторонний, а во-вторых, два убийства за один день...

Фигура стояла абсолютно неподвижно, и Алекс вышел из-за поворота. Показалось, что помнит эту фигуру... Рост! Этот человек шел за ним, там, на улице. Почти наверняка он!

Нужно было что-то делать. Либо стрелять, либо говорить. Стрелять не хотелось. Ой как не хотелось!

– Что вам нужно? – спросил Алекс.

– Доделать работу, которую вы заказали. – Голос у человека был бесцветный.

– Кто вы? – спросил Алекс, уже напрягая палец на спусковом крючке.

– Я друид. Ваш глаз не работает. Это не нуждалось в подтверждении, и Алекс промолчал.

– Ваш глаз не заработает без инициализации. Для этого, как вы сами понимаете, требуются наши программные ресурсы. Без них это будет обычное прооперированное глазное яблоко, на нервные окончания которого насажены какие-то схемы. Вы заключили с нами договор, и мы собираемся выполнить свою часть.

– И для этого нужно лезть в каналы подземки?

– Мы хотим изменить оплату нашей работы. Нам необходимо было с вами поговорить. Лично.

– То есть...

– Мы запустим ваш глаз, но не возьмем денег. Более того, вы получите... подарок.

Алекс молча обдумывал ситуацию. Становилось ясно, что перед ним не человек. Перед ним киборг. Причем человеческого в нем осталось... В лучшем случае какие-то части мозга. Только киборг не заблудился бы в каналах подземки. И только киборг мог в этих каналах найти Алекса. Очень хороший киборг.

Алекс видел перед собой легенду. Кибердруида. С большой буквы. Все друиды в чем-то киберы, но этот особая статья. Единственный в своем роде. Не имеющий аналогов. О нем в официальных информационных каналах невозможно найти ни строчки. Ни единого упоминания. Только легенды, только городские сказки. Ему приписывали самые разнообразные свойства и возможности. И вот он стоит посреди вонючей, светящейся лужи. Живой, но уже мертвый.

По спине Алекса пробежали мурашки. Он видел перед собой Тело. Оно стояло перед ним, двигалось и говорило, мыслило и реагировало. Но все равно это было Тело. То, во что превращается человек, когда в его голову врывается пуля, когда в его голову вторгается смерть.

Алекс понял, что нужно друидам в качестве оплаты. И он спросил:

– Почему вы не сделаете это сами? Вы же можете.

– Не в данном случае.

– А почему я?

– Вы были ближе других... – Друид помолчал и добавил: – И лучше.

– Какие-то особые пожелания? – Алекс даже не особенно понял, что заставило его согласиться... Может, просто усталость? Выполненное задание, путешествие по коридорам...

– Никаких. Постарайтесь сделать это побыстрее, но точных сроков мы не называем. – Друид помолчал, а затем добавил, словно извиняясь: – И... постарайтесь добыть нам его голову.

– Этого я не обещаю.

Вместо ответа друид кинул Алексу сверток. Развернулся и произнес, уходя в боковой коридор, где что-то тут же завошилось, зашипело:

– Диск одноразовый, на нем программа инициализации вашего глаза. На нем же находятся необходимые вам данные.

И словно растворился в темноте переходов, полных грязи, слизи и чего-то шевелящегося и омерзительно живого.

Глаз работал идеально. Легко виделось перекрестье прицела. Органически вписывалось в зрительный образ, не мешало и могло исчезнуть, повинаясь мысленному приказу. Руки сами находили нужное положение для стрельбы и вели цель в зависимости от ее перемещений. Удобно. Алекс поймал себя на том, что улыбается, глядя на мир через прицел своего нового глаза.

Нападения на колонии начались два года назад. Колонии друидов всегда были одновременно чем-то вроде закрытых клиник и больших общежитий. Друиды спали, ели и работали в них. Информация снаружи поступала через друидов-информаторов, специально приспособленных к получению данных.

Поскольку отличить друида от обычного человека довольно сложно, отношение к ним в обществе было, как ни странно, спокойным. Друиды не были безобидной религиозной сектой, на которой можно выместить зло. Они не были козлами отпущения для человеческих инстинктов. Лезть на рожон и становиться поперек дороги у киборгов никто не хотел. Тем более что за ними велся неусыпный надзор Технической Службой Сил Безопасности, которая следила за уровнем кибернетических изменений у всех граждан и у каждого друида в частности. Государство гарантировало, что человек не станет кибером в полном смысле этого слова. Не выше пятидесяти процентов внутренних изменений. Если у человека обнаруживалось технических новшеств более нормы... он переставал быть человеком и оказывался вне закона. Как Кибердруид.

Вот почему нападения на колонии друидов показались совершеннейшей неожиданностью. Нападения всегда удачные и всегда исключительно жестокие. Без свидетелей и без лишнего шума. Просто в какой-то момент, вдруг, обнаруживалось, что колония мертва. Набита мертвыми телами и мертвой техникой.

Нападающий действовал в одиночку. Он был вооружен каким-то длинным холодным оружием, вероятно мечом. И владел им виртуозно, что было сложно представить в современных условиях.

Вырезая колонии целиком, нападающий не оставлял после себя никаких сообщений, требований или меток. Он делал свое дело и исчезал. Это была война на уничтожение.

Обеспокоенные друиды смогли снять кое-какие данные с видеопамати нескольких убитых. Остатки слегка размытых изображений. Просто картинки, которые не поддавались анализу.

Алекс внимательно изучил эти изображения, вызвав их из памяти... И ничего не понял. Человек, затянутый в черное. Маска. Глаза, судя по всему, карие. И размытая блестящая линия меча в момент удара...

Друиды создали новую систему безопасности, сложную систему переходов, возникающих в стенах дверей и перемещающихся комнат. Друиды превратили свои наиболее крупные колонии в лабиринты. Некоторое время нападений не происходило. Однако последние события показали несостоятельность и этого метода...

Другой информации друиды Алексу не предоставили. Хотя ее наверняка было больше, Алекс это чувствовал, как, бывало, чувствовал в моменты опасности, с какой стороны будет выстрел. Но раз заказчик считает, что информации достаточно... значит, заказчик так считает. Алекс не придерживался девиза «Клиент всегда прав», но обычно не любил спорить с заказчиком в отношении информации. Правило «Много знаешь – меньше живешь» Алекс усвоил железно.

Однако как найти этого неведомого убийцу? Алекс был убийцей, наемником, а не частным сыщиком. Ему предоставляли информацию точную, простую и ясную. Кто, где и по каким часам его там можно застать. И видеофрагмент с описанием. Все. Алекс шел и делал свою работу. Но бегать, искать... Хотя это могло оказаться интересным.

Алекс ощутил какое-то забытое, давно похороненное в сером пепле его холодной души чувство. Заглушенное наркотиками, опасностями и чужими смертями.

Алекс ощутил интерес к жизни. Какую-то цель... С этого момента работа начала превращаться в тонкое искусство.

В комнате было тепло. Сехаку, японец, оставшийся жить после плена в стране, куда его забросила военная машина, сидел на возвышении в центре комнаты, уютно поджав под себя ноги, и наблюдал, как его жена разливает по чашкам чай. Легко, аккуратными движениями, без суетливости. В его узких глазах отразилось удовлетворение.

Он посмотрел на часы. Без четверти восемь. Скоро придет сын. Сегодня день, когда он приходит для отдыха. Значит, сегодня они будут пить чай втроем. Это хорошо. Сехаку удовлетворенно вздохнул и прикрыл глаза, словно большой кот, который греется у огня. Он был уже немолод, но сила в его руках не угасла, спину не согнула старческая немощь. Сехаку был еще и великолепным нейрохирургом, что обеспечивало ему безбедное существование.

В прихожей послышались шаги. Почти бесшумные. Сын.

Сехаку решил, что жить на этом свете все-таки не так плохо, как кажется на первый взгляд. Нужно только уметь выбрать правильный ракурс.

В первую очередь Алекс вспомнил, что он знает про холодное оружие. В частности, про мечи и тому подобные вещи. Оказалось, что весьма мало. Почти совсем ничего. Алекс хорошо владел ножом, но и только. Кто мог предположить, что кому-то понадобится использовать в качестве оружия уничтожения такую архаичную вещь, как меч?

Однако друидов убивали. И убивали именно мечом, а не ножом или пулей. И убивали успешно. Ни один из них не применил огнестрельного оружия. Не применил или не захотел применить... Или не успел... Таких «или» было много.

Алекс разбудил все каналы получения информации. Все, до чего он мог дотянуться, собирало данные по одному вопросу. Меч. Типы, классификация, техника, производство, частные коллекции, металлы, история. Данные копились, сортировались, и вскоре Алекс владел серьезной теорией по длинно-лезвийному холодному оружию. Алекс знал, какие

бывают мечи, знал разницу между западными и восточными клинками, знал разницу в областях применения, возможные варианты защиты, основы техники боя... К концу дня Алекс понял, что знает не все... Но достаточно, чтобы оставить этот вопрос в покое. Он не продвинулся к цели ни на шаг. Только нагрузил свою память излишней информацией.

Голова болела. От долгого сидения перед голографическим монитором тошнило. Все расплывалось перед глазами. Алекс встал. Комната немного покачнулась, но устояла. Доигрался.

Алекс подумал, что давно уже не вылезал из своей конуры, кроме как на выполнение работы. Определенно стоило провести вечер в свое удовольствие.

Новообретенный интерес к жизни подталкивал Алекса к развлечениям. Деньги существуют для того, чтобы их тратить.

Чтобы умереть, нужно немного. Нужно упасть. А упасть еще проще. Это вообще очень приятно – падать. Нужно только умыться мертвым светом веселых городских кварталов. Окунуться в стоячую воду баров, в непостоянные потоки игорных домов, в темные озера публичных домов. Немного. Только окунуться и умереть. Потому что жить после этого просто невозможно. Незачем. А часто и не на что.

Алекс уже пронесся горящим метеором по барам, ночным улицам и вскоре осел с парой одноночных подружек в каком-то публичном доме. И еще через некоторое время, лежа на большой постели, тяжело дыша, Алекс оставил все мысли о киборгах, друидах и убийствах. Вкус жизни холодил губы и подсвечивал мир вокруг.

Только хотелось чего-то еще.

Алекс посмотрел на женщин, находившихся рядом. Кажется, было три... Или две? Если две, то значит, что они были на уровне трех. Здорово!

«Но чего же не хватает?» – Алекс задумался. Хотелось легкости, полета...

– А не навестить ли нам Тамбурина? – вслух подумал Алекс.

– А кто это? – тут же подняла голову одна из девиц и хихикнула.

– Это... Ну... Это торговец наркотиками, – сказал Алекс, и женщины захихикали громче. А через некоторое время уже просто хохотали во все горло.

– Хм... – задумчиво посмотрел на них Алекс. – Вам он, видимо, уже не нужен, Вам и так... хорошо!

Женщины не унимались, но послушно встали, оделись и отправились на улицу вместе с Алексом искать Тамбурина.

Улицы полыхали огнями. Голографические зазывалы использовали невероятный язык жестов, чтобы завлечь перспективного покупателя. Все разработано лучшими психологами, социологами и призвано давить на подкорку несчастного человеческого мозга, подталкивать его войти в этот бар, магазин, публичный дом. Оставить тут свои деньги, забыть про завтра... Зачем оно? Его же нет!

А Тамбурин нашелся, как всегда, в закутке за голографической рекламой кока-колы. Только на этот раз он был не один. С Тамбурином был какой-то в хлам пьяный, именно пьяный, а не обкурившийся или нанюхавшийся, детина. Здоровый и плечистый... Вот только очень плохо стоящий на ногах.

Девушки, увидя Тамбурина, так и покатались со смеху... Причины смеха Алекс не понимал, но смеялись они весело, и от этого было как-то легко на душе.

– Привет, Там, – сказал Алекс. – Как дела идут?

– Здоровеньки, Алекс, – ответил Тамбурин, отпихивая от себя пьяного детину. – Дела – как видишь. Докатился совсем...

– Неужели так плохо? – спросил Алекс, наблюдая, как здоровый амбал покачивается на ногах.

– Не так, но плохо. Убери от меня этого... придурка!!! – завопил Тамбурин.

Подружки покатались со смеху. Им стало трудно стоять, и они привалились к стенке...

– Что ты им наколол? – спросил Тамбурин, глядя на девиц.

– Самое забавное, что ничего. Ну... кроме естественных гормонов... Может быть, они сами накидались где-нибудь. А что это за тип? – И Алекс указал на пьяного.

– А я знаю?!! Я его впервые вижу!! Ввалился ко мне... Я уйти не успел. Бормочет что-то. Охрану вызывать не хочется...

– Так его выставить?

– Да... Валяй. Только без рукоприкладства... Мне тут потом убирать...

Алекс не стал указывать Тамбурину на то, что в его закутке не убирались с того самого момента, как сюда впервые ступила нога человека. Он направился к пьяному молодцу, который настойчиво пытался облапить Тамбурина и поцеловать.

– Эй... Эй, друг.

Пьяный повернулся к Алексу:

– Чего? – Вопрос был задан не самым дружелюбным тоном.

– Ничего. Тебя звать как?

– Эрнест, – ответил амбал и покачулся.

– Клиника... – про себя пробормотал Алекс и подошел ближе: – Ты чего к нему пристал?

– К кому?

Алекс молча указал на Тамбурина.

– К Сашку? – Эрнест оживился. – К Сашку, что ли? Так он ведь чувак, в натуре, наш! Я его просто... я его просто люблю!!!

– Любишь? – Алекс посмотрел на Тамбурина.

– Люблю!!! – Голос Эрнеста был похож на очень пьяную сирену. – Как братана!

– Почему он тебя Сашком кличет? – спросил Алекс уже у Тамбурина.

– А я знаю? Он как вошел, так сразу «Сашок, Сашок»... – Тамбурин пожал плечами. – Ты меня знаешь... Я не Сашок. Не Сашок я!

Последние слова он буквально выкрикнул в лицо Эрнесту, который снова попытался облапить его.

– Эрнест, Эрнест... посмотри сюда. Ты ошибся. – Алексу уже самому становилось смешно. Бить парня с таким именем явно не хотелось. А просто так он не уйдет.

– Кто ошибся? Я ошибся... Да я!!! – Эрнест покачулся. Затем развел руками и... упал.

Проблема решилась сама по себе. Эрнест ударился головой и на время вырубился.

– Как он достал, – пробормотал Тамбурин, наклоняясь над большим телом парня. – Что с ним теперь делать?

– Да выкинем... И все, – предложил Алекс.

– Не... – Тамбурин задумчиво вздохнул длинные патлы. – Жалко. Он ведь в общем-то ничего чувак.

– Да? – Алекс заинтересованно посмотрел на Тамбурина. – Слушай... А ты с ним?

– Что? – недопонял Тамбурин.

– Ну... – Алекс сделал неприличный жест.

– Ты что, сдурел?! Я... Да... – Тамбурин начал заикаться.

– Да ладно. Не оправдывайся... Я человек широких взглядов... – Алекс едва сдерживался.

– Я... Да пошел ты!!! – Тамбурин плюнул и, не обращая внимания на смешки, спросил: – Что с этим делать?

– Ну ты сам решай... тебе видней... – Алекс усмехнулся.

– Козел, – прокомментировал Тамбурин. – Ладно... Давай оттащим его... К выходу поближе.

В момент перетаскивания Эрнест очнулся и, увидев девиц, громогласно взревел:

– Девочки!!!

– Ох, блин, – пробормотал Тамбурин.

Затем Эрнест заметил, что его тащат. И... заплакал. Обычный пьяный переход, когда буйство сменяется слезными причитаниями. Эрнест жаловался на свою судьбу, на свою жизнь и одновременно что-то лепетал о своих заслугах, достоинствах... В этом потоке словесного мусора Алекс вдруг уловил знакомое слово. И отпустил свой «край» Эрнеста. Тот даже не пошевелился, оказавшись на земле.

– Ты чего? – спросил Тамбурин.

– Ты что сказал? – спросил Алекс, наклоняясь над Эрнестом и морщась от мощного запаха перегара.

– Когда? – плаксиво переспросил Эрнест.

– Про кузнеца.

– Кузнеца?.. Да! – У Эрнеста снова произошел переход на буйную сторону. – Я кузнец!!!

– Потихе... И подробнее. Кузнецов же нет... уже.

– Я! Я есть! – проникновенно выдохнул Эрнест, заставив Алекса снова поморщиться. – Последний.

Тамбурин отошел к девочкам и уже вешал им какую-то лапшу, отведя их к другой стене. Алекс огляделся и спросил:

– Про какой меч ты говорил? Эрнест сделал страшные глаза и приложил палец к губам.

– Ты мне нравишься... – наконец сказал он. – Я тебе расскажу.

Из следовавшего за этим потока слов, ругани, хвалебных од в собственный адрес Алекс вынес одну очень интересную мысль: Эрнеста нельзя было отпускать просто так. Ему нужно было дать вылежаться. И заняться расспросами только наутро.

– Тамбурин! – Алекс повернулся в сторону, где предположительно находился Тамбурин. – Пусть он у тебя полежит. Все равно вырубился. Кольни ему... За мой счет, чтобы к завтрашнему дню он был еще у тебя. Я зайду утром.

– Хорошо. Зайди... – сказал Тамбурин, аккуратно укладывая одну из девиц на землю возле стены. Вторая девица уже лежала там.

– Эй! А ты что им вкатил? – спросил Алекс, наблюдая за действиями Тамбурина.

– Да ничего... Мелочи всякие. Моего изобретения. Ты хоть соображаешь, кого ты сюда притащил?

– Кого? Шлюхи какие-то...

– Шлюхи. – Тамбурин оперся спиной о стену. Выглядел он устало. – Они в борделе шлюхи, а тут они стукачки. Платные осведомители. У меня на таких детекторы висят на каждом углу. Ты хочешь, чтобы у меня проблемы были? Тогда проще было бы просто меня сдать. Ты меня иногда удивляешь...

Алекс провел рукой по лицу. Сглотнул. Вкус жизни был кисло-горьким. На удивление...

Наутро проспавшийся Эрнест получил дозу какой-то химии из арсенала Тамбурина и сделался на удивление разговорчив, что избавило его от множества проблем.

Память у него была хорошая, и события многолетней давности он помнил так, словно они произошли с ним вчера.

Он тогда был изрядно молод, но уже был довольно неплохим техником и, как все молодые люди, склонен ко всякого рода авантюрам. Склонность эта толкала его на изучение самых разнообразных сторон своей профессии. Эта склонность и привела его в ряды старой и ныне благополучно обезвреженной террористической группы «Сыны Леса».

«Сыны Леса» стремились вернуть человека к природе. Чтобы он отринул искусственные костыли и пошел по Земле своими ногами. «Сыны Леса» упускали из виду одно. Человек давно уже потерял свои ноги, и идти ему было просто не на чем. Поэтому выбить из-под него костыли означало просто поиздеваться над калеккой. «Сыны Леса», как воинствующие идеалисты, этого не поняли и, поскольку никто не ринулся в царство Матери Природы сломя голову, решили загнать человека в рай пинками. Эрнест провел в их среде много времени и занимался тем, что собирал хитроумные устройства для подавления любых сигналов. Эти устройства, с успехом использующиеся в армии, были запрещены, и по закону за их применение полагалось три года исправительных работ. Однако «Сыны Леса» этим не интересовались и вышибали искусственные костыли у человечества все активнее и активнее, пока за них не взялись службы государственной безопасности.

Перед тем самым моментом, когда группа перестала существовать по причине тотальных арестов, к Эрнесту пришел человек. Японец. И попросил, очень любезно попросил, уделить ему двадцать минут его, Эрнеста, драгоценного времени. Эрнест, отношение к которому у самих «Сынов Леса» было не очень, слегка ошалел от подобного обращения и был настолько очарован, что уделил японцу целых три часа своего драгоценного времени. Эти часы прошли в вежливых разговорах, из которых Эрнест понял, что имеет дело со специалистом очень высокого уровня, но в области, несколько отличающейся от его собственной. Японец был классным нейрохирургом. Эрнест всегда питал слабость к специалистам, что и стало причиной столь длительной беседы. Позже Эрнест даже удивлялся, насколько общей и бессодержательной была беседа. Обо всем и ни о чем.

Вернувшись на место дислокации родной группы, Эрнест застал площадь, оцепленную представителями разного рода государственных служб. Главари «Сынов Леса» имели глупость оказать сопротивление и были элементарно расстреляны на месте. Остальных со скрученными руками грузили в грузовики.

Поняв, кому он обязан своей свободой, Эрнест проникся к японцу искренней любовью и, поскольку идти ему было некуда, вернулся к дверям дома, где вел вежливые разговоры с нейрохирургом.

Союз нейрохирурга и микроэлектронщика оказался плодотворным, и вскоре были созданы не имеющие аналогов сенсорные датчики, миниатюрные сканеры для ночного видения и прочие приятные мелочи. Денег это Эрнесту не приносило, но он был настолько благодарен своему невольному спасителю, что работал бы совсем бесплатно. Но японец кормил Эрнеста и выдавал ему иногда энную сумму денег.

Останавливаться на всех деталях, которые породил их союз, Алексу не хотелось, и он направил Эрнеста на мысль о кузнеце.

Эрнест, под действием Тамбуринова зелья, разговорился окончательно и поведал, что последней вещью, которую он создал, был меч. Для этого пришлось произвести такую массу нестандартных работ по металлу, что Эрнест с тех пор с гордостью именовал себя Кузнецом!

Алекс попросил рассказать конкретнее о мече и о тех модификациях, которые Эрнест произвел.

Оказалось, что старый, непонятно каким образом сохранившийся у японца меч после того, как побывал в руках у Эрнеста, приобрел ряд интересных способностей. В частности, подавлять любые электронные системы, с которыми входил в соприкосновение, уничтожать компьютерную память и разрушать логические электронные структуры...

Идеальное оружие для террориста, который специализируется на информационных системах.

Досадным оказалось то, что Эрнест не смог точно описать своего благодетеля. Физиогномическая память у Эрнеста отсутствовала начисто. Место, где они работали, Эрнест тоже

вспомнить не мог. Хотя очень старался и даже всплакнул по этому поводу. Имена, как и следовало ожидать, тоже совершенно выпали из его головы.

Наконец Эрнест заявил, что устал и хочет выпить. И у него болит голова. Тамбуриново зелье, похоже, переставало действовать.

– Тамбурин! – позвал Алекс. Откуда-то вынырнул Тамбурин.

– Что?

– Он под действием этой твоей штуки не может врать?

– Нет.

– Точно? А направлять память по ложному следу?

– Нет.

– Что ты ему вколол?

– Ты не знаешь. Никто не знает. Это мое личное изобретение. Ты, может быть, помнишь, я химик.

Алекс это помнил.

– А ему это не повредит?

– Нет. Это средство просто привело его в состояние дурашки-болтуна. Он питает к вопрошающему чувства, которые может испытывать только к очень близкому человеку. Как к матери. Или к любимой жене. Каждый твой вопрос вызывает в нем чувство, схожее с эмоциональным оргазмом, а его ответ, заметь, правдивый ответ, приводит его вообще чуть ли не в состояние экстаза. И наоборот, отсутствие ответа его сильно огорчает. Интересная штучка, правда?

– Да уж... У тебя много таких... штучек?

– А тебе зачем? – спросил Тамбурин, слегка прищурившись.

– Много будешь знать, мало будешь жить.

– Хм... – И Тамбурин отвалил.

Алекс сунул Эрнесту заранее приготовленную бутылку и тоже ушел, захватив у Тамбурина новую порцию «колес».

Алексу было над чем подумать. Картина начала вырисовываться.

«Искать в толпе сложно. Но в этом есть удовольствие.

Впрочем, его в толпе точно нет.

Он редко бывает в людных местах. Раньше бывал. Теперь нет.

Интересно, он видит людей так же или как-то по-своему? Что он чувствует, когда они задевают его локтями? Смотрят на него и принимают его за обычного человека... Да, что он чувствует, когда про него думают, как про человека? Или, может быть, он считает себя человеком?»

Полы длинного плаща развеивает ветер. Меч удобно укрыт в складках плаща. Спрятан, но достать его можно в один миг. В один миг стать воином. Из обычного человека.

«Интересно, все эти люди тоже считают меня человеком?»

Людям было все равно. Они шли по своим делам, и их совершенно не волновало поведение молодого узкоглазого господина в плаще. Среднего роста, черные уложенные волосы, довольно привлекателен и на вид преуспевающий, но почему-то проститутки скользят по нему совершенно равнодушным взглядом. Проститутки знают людей гораздо лучше остальных граждан. Проститутки знают людей, до всех остальных им просто нет дела.

Алекс продвигался среди каких-то манифестантов. В последнее время манифестации по самым разнообразным поводам проходили чуть ли не каждый день. Двигаться по улицам в такие дни было довольно затруднительно.

Алекс расталкивал людей, стремясь пробраться на другую сторону улицы. Зная, что миновать людскую реку перпендикулярно направлению движения не получится, Алекс шел наискосок, медленно, но верно смещаясь к нужному ему месту на противоположной сто-

роне. Черный провал подворотни уже был в нескольких шагах, как вдруг в спину что-то врезалось и чуть не сбило Алекса с ног.

Нападавший оказался в слякоть пьяным мужиком, обезумевшие глаза которого указывали на некоторый процент галлюциногенов в том пойле, которое он сегодня в себя влил. Мужик был настроен агрессивно и уже замахивался для очередного удара, когда нога Алекса воткнулась ему в коленку. Жест чисто рефлекторный. Не стоило привлекать к себе внимания... Нужно было уйти. Но... Просто рефлекс. Так получилось.

Странно, но мужик охнул и отступил, выпучив глаза еще больше прежнего. Не должен был так себя вести пьяный в дым, да еще под наркотой, человек, впавший в буйство. Не должен был.

Толпа обтекала Алекса и его «противника», словно река, обтекающая два тяжелых камня. Коллективный разум у толпы был на уровне. Толпа не хотела связываться, и поэтому образовала в своем гигантском теле маленькую дырочку, в которой удачно помещались Алекс с человеком, успешно имитирующим опьянение.

Пауза затянулась. Мужик, хлопая глазами, смотрел на Алекса, Алекс в свою очередь смотрел на мужика, не теряя из виду происходящее вокруг. Он также заметил, как две статичные фигуры в теле толпы вдруг сорвались с места и исчезли в той самой, нужной Алексу подворотне. Мужик это тоже заметил, вдруг заревел что-то нечленораздельное и скрылся в том же направлении.

«Кидалы, – подумал Алекс, выходя на тротуар. – Как невероятно пошло работают. Удивительно пошло! Топорно».

Стратегия ограбления, родившаяся в имбецильных мозгах трех кидал, была проста. Пьяный мужик докапывается до какого-нибудь неудачливого человечка. Ну пьяный, что с него возьмешь. С пьяным никто связываться не будет. Всем просто плевать. Оттеснит он кого-то в подворотню... Ну и что? А там, в подворотне, уже два молодчика ждут. Саданут шокером, и готово. Очнулся человек гол и бос. Если вообще очнулся. Органы, конечно, брать не будут, уровень не тот, за такое «мясники» их самих по частям разберут, а вот вещи снять... Без проблем.

Алекс уже давно не сталкивался с преступным дном. Находясь в верхней части преступной пирамиды, он отвык от приемов и замашек уличной шантрапы. Даже «мясники», охотники за органами, были выше, чем те, с кем только что столкнулся Алекс. Кидалы – парии. Пушечное мясо в серьезных делах, и надо же... Выбрали себе жертву. Такие долго на улицах не живут. Надо же знать, кого можно трогать, а кого... А от кого лучше бежать с визгом и поджав хвост.

Некоторое время Алекс наблюдал за манифестантами, а потом свернул в свою подворотню.

Там оказалось людно.

Старая компания. Двое кидал с псевдоподвыпившим мужиком прижимали к грязной стенке щуплого японца в плаще. Японец не приносил ни звука, только, делая короткие, грациозные движения, отступал от нападающей на него тройки. Работать в группе кидалы не умели, поэтому друг другу мешали.

А японец...

Алекс вдруг понял, что японец играет с тремя нападающими, строя из себя испуганную жертву. Он отступает, делает шаги вправо, влево... А три неуклюжих идиота натываются друг на друга и никак не могут выбрать момент, чтобы навалиться, задавить. Потому что такого момента нет и не будет.

Алекс встал в тень и замер там, наблюдая за чужой игрой. Далее некоторая зависть взяла.

«Пьяный» не выдержал первым, может быть, действительно был слегка навеселе... Он рванулся вперед, в левой руке у него блеснула железка. Кастет с выдвижными иглами. Оружие улиц и подворотен. Оружие малолетней шпаны, очень странно смотрящееся в здоровенной волосатой ручище.

Оно так в ней и осталось. Вот только рука вдруг отделилась от тела и упала в грязь к ногам атакующего. «Пьяный» завалился прямо на свою руку... Закричал... Точнее, нет. Не так. За миг, сотую часть секунды до падения, щедедушный японец оказался за его спиной и махнул руками. Свист. Просверк. И уже на землю падает не человек, а разрубленная надвое кукла. Еще живая... Но это ненадолго... Крик оборвался вместе с тяжелым, липким звуком упавшего тела.

Кидалы застыли.

«Не ваш день», – пробормотал Алекс себе под нос.

Однако затишье длилось недолго. Оба, не сговариваясь, рванули в разные стороны.

Дальнейшие действия японца Алекс смог воспринять только благодаря большой практике убийств и большому опыту ведения боя под «квази».

Японец не двигался, он почти исчез. Превратился в некое туманное пятно. Три, наверное три, точнее Алекс не смог разглядеть, шага в сторону убегающего на улицу, и японец застыл в выпаде. Низкая стойка, прогнулся вперед, в вытянутых руках меч. Укол. Другой конец меча вышел из груди человека, который замер изогнутым в дугу.

Мгновенный снимок. Два застывших тела, словно большой лук со стрелой. Дарение смерти и принятие дара. Только Алекс смог оценить всю красоту этой картины. Этого мига.

Тело упало.

Второй кидала ненамного пережил своих товарищей. Он уже был у арки выхода, когда рядом с ним, словно из воздуха, возник японец. Оттолкнулся... и побежал ногами по стене. Скорость, с которой он это проделал, была непостижимой.

«Это не «квази», – понял Алекс. – «Квази» не дает такого эффекта».

Человек вскрикнул. Меч оказался возле коленного сгиба правой ноги кидалы и перерезал сухожилия. Кидала упал на одно колено. Японец, оттолкнувшись от стены, приземлился за спиной коленопреклоненного человека и смахнул тому голову начисто. И, не останавливаясь, сделал сальто назад. Замер. Алекс понял, что на японце нет ни капли крови. Он проделал все настолько чисто и быстро, что сумел не запачкать свою одежду.

Идеально.

Стер кровь с меча. Спрятал меч. И превратился в щедедушного японца в сером плаще... Невзрачный и неприметный в толпе.

Несколько кварталов Алекс шел за ним. Где-то в новом восточном районе японец исчез. Завернул за угол, а когда там же оказался Алекс... На небольшой улочке было пусто. Где-то позади бренчали колокольчиками уличные торговцы, звучала странная, непонятная речь. Восточный квартал.

Дом встретил Алекса прохладой и покоем. Неожданная усталость сковала плечи. Тело требовало отдыха.

Все это дело, круто замешенное на восточном колорите, Алексу изрядно поднадоело. Он терпеть не мог загадок, а необъяснимые вещи злили его. И вообще...

Алекс хорошо запомнил выражение лица того парня в сером плаще, когда он рубил руки и головы трем недоноскам, неспособным подняться над своими мальчишескими привычками. Кидал было не жаль, они были глупы, а глупые не выживают в этом мире. Таков закон. Но японец...

Он убил их с невозмутимым видом. Без эмоций. Как будто выкинул окурок. В этом было что-то неприятное, что-то непонятное Алексу. Часто он и сам не проявлял лишних эмоций в момент выполнения задания, но только когда приходилось делать это на большом

расстоянии. Есть разница – снять деловика через оптику с расстояния в километр или рубить живого человека в куски мечом. Когда Алексу приходилось действовать на короткой дистанции, он, несмотря на большой опыт, не всегда мог справиться с эмоциями. А японец уложил троих так, будто порезал кусок колбасы.

Но скорость, с которой он действовал... От этого сладко ныло под ложечкой.

Алекс упал в кресло. Достал черный пакетик с «колесами», взятыми у Тамбурина. Высыпал их на ладонь... Химия...

«Когда-нибудь я переберу с дозой и выжгу себя этим дерьмом...» – пришла ленивая мысль.

Как пришла, так и ушла. Алекс уже привык жить с этим. Привык. Наркотики давно стали частью его организма. Конечно, можно было бы отправиться к тем же друидам и пересадить здоровые органы, что, впрочем, Алекс и так часто делал, и вообще сменить всю кровь, избавиться от зависимости. Вот только зачем? Такая ниша в его жизни... если она опустеет, то чем ее заполнить? Чем? Алекс хмыкнул. Стало ясно, что вкус к жизни пропал в очередной раз и надолго. Развлечения не волнуют... Хочется побыстрее выполнить очередное задание. И все. И потом...

Алекс рывком схватил пару таблеток и проглотил их разом. Замер, ожидая. Затем черты его лица словно потекли, расслабились, стали нечеткими. Как и мир вокруг.

Думать о том, что будет после очередного задания, Алекс не любил.

Мир оставался распыленным довольно долго.

«В Восточном квартале редко бывает ветрено. Тут можно не держаться за полы плаща, опасаясь, что он раскроется под очередным порывом сумасшедшего воздуха и покажет все, что призван скрывать. Зато тут множество ловких воришек, которые могут незаметно для жертвы обчистить даже внутренние карманы. Часто эти воришки киберы. Немножко киберы. И поэтому они меня не интересуют. Ведь я ишу не их. Они пусть опираются на свои костыли. Им так нужно чувствовать пульс времени, думать, что они принадлежат к новой эпохе, что они прогрессивны. Они даже не ведают, что они – пережитки старого. И новая эпоха уже не имеет на них никаких видов. Мне жаль их. Я защищаю их. От новой эпохи. Потому что в новых временах их уже не будет».

Маленький японец идет вдоль затемненных витрин. Проходит сквозь голограммы. Проходит мимо людей. Мимо ночных торговцев. Его узкие глаза держат в поле зрения всю улицу. Темно-карие глаза выделяют киберов среди людей. Выделяют и оставляют в покое. Не имеет значения. Совсем не имеет значения. Где-то искусственный глаз, где-то манипулятор вместо руки, где-то перестроенная стимуляция половых органов... Мелочи. Простые, доступные обыкновенному человеку мелочи. Простительные простому человеку.

«Другое дело тот, другой. Он совсем другое дело. Отключить его означает убить символ новой эпохи. Оттянуть неизбежное время, когда человек перестанет быть доминирующим видом на Земле. Оттянуть приход... Киберы не могут стать частью природы. То есть могут, но не должны».

Маленький японец движется по Восточному кварталу, прижимая к телу меч, который ему сделал его отец. Маленький японец методично обшаривает своими глазами улицы. Что там, за этими глазами? Камеры?

«Видеть то, что не видят другие. Видеть то, что не видят другие», – маленький японец повторяет это как молитву. Молитву солдата, ведущего свою войну. Войну одного за всех.

Алекс уже три часа кружил по Восточному кварталу. Ноги начали уставать. Внимание постепенно притуплялось. Он уже несколько раз терял японца из виду и с большим трудом находил его снова.

Как он вышел на него... История совершенно отдельная. Какие тайные ниточки пришлось привести в действие, документы какой давности поднять? Но вот дело, затянувшееся

еся на неделю, близилось к завершению. Алекс испытывал к нему уже отвращение вместо азарта. Скорее закончить. И все. И... Алекс прервал мысль. Думать о том, что будет потом, вредно.

Японец был тот самый, Алекс был в этом уверен. Абсолютно. Именно этот худенький и невысокий желтолицый человечек разрубил трех неудачников в переулке, двигаясь с невероятной скоростью и пластикой. Именно этим мечом были зарублены друиды. А меч прятался именно под этим плащом, в котором гуляет сейчас маленький японец.

Осталось только застрелить его. И делу конец!

Вот только японец не позволял этого сделать. Он постоянно двигался и двигался по улицам, как раз там, где нападение на него не могло пройти незамеченным.

Мимо проплывали витрины, яркие голограммы, рекламирующие публичные дома, лотки торговцев. Торговцы будут сидеть тут до утра, когда, по их мнению, наконец можно будет пойти домой без опаски наткнуться на дикого охотника за внутренними органами. Статистика, правда, указывала на то, что нападения происходят именно по утрам. Но страх перед темнотой неистребим в человеке.

Японец двигался как заведенный. Алекс начал вспоминать, что на этой улице они уже были. Или нет? Нет. На этой улице был он, а на хвост японцу он сел только на следующей. Неужели японец пойдет на второй круг?!!

Алекс понял: что-то должно измениться. Прямо сейчас. Насторожился.

Маленький японец подошел к перекрестку, к начальной точке своего путешествия. Встал. Сделал шаг направо и вдруг резко обернулся. Его глаза встретились с глазами Алекса на мгновение. Алекс тут же опустил взгляд и намерился пройти мимо, чтобы потом снова выйти на японца. Но тот вдруг направился в ближайший подъезд.

Млея от непрофессионализма собственных действий, Алекс направился туда же.

То, что японец заметил Алекса, совершенно не оставляло сомнений. Только почему-то он не стал замечать следы, не стал прятаться. Он дал Алексу шанс и кинул своеобразный вызов. Как воин, нашедший достойного противника.

Один из самых благоприятных моментов для нападения – момент, когда человек заходит в подъезд. Когда он занят дверью, перешагивает через порог, переходит в иные условия освещения. Очень удобно. Алекс это знал и принял соответствующие меры. Теперь Алекс был на охоте. Ушла усталость, стало легче дышать.

Однако нападения не последовало. Японец стоял на верхней площадке и смотрел на Алекса. Он совершенно спокойно вел себя под дулом пистолета. Настолько спокойно, что это наводило на размышления.

Через мгновение японец двинулся по ступеням вверх.

Алекс спрятал пистолет. Это было приглашение. Не вызов, но приглашение. В другое время Алекс не стал бы колебаться. Момент для убийства был благоприятен, и надо было им воспользоваться. Но любопытство, неистребимое, вечное и смертельно опасное, любопытство заставило его подниматься по грязным ступеням.

Слишком необычным было это задание. Слишком. Для его выполнения Кибердруиду следовало поискать кого-то, в ком фантазия умерла начисто. Кого-то другого.

Сегодня Сехаку принимал гостей. По нынешним временам это большая редкость.

Гость сидел напротив, неудобно поджав под себя ноги. Гостя привел сын. Сегодня он ужинает с семьей. Это хорошо. Жена суетится на кухне. Скоро будет чай. Это тоже хорошо. А пока есть холодная рыба в тесте. Рис. Это приятно, когда в доме гость. Хоть и такой молчаливый, как этот. Впрочем, молчит... и пусть молчит. Это тоже хорошо. Пусть молчит.

Пусть даст насладиться уютом домашнего очага. Пусть ничего не говорит, словно усталый человек, знакомый, который прошел многие километры, чтобы наконец посетить старика Сехаку.

Сехаку вздохнул. Иллюзии всегда имеют привычку рассеиваться. Это плохо. Или хорошо? Наверное, плохо, потому что сегодняшний гость шел не в гости, а чтобы убить его сына. У нынешнего гостя такая работа, и ничего с этим не поделаешь.

Алекс чувствовал себя как в каком-то изощренном наркотическом бреде. Слово такое было, забытое ныне, – сюрреализм. Алекс сидел на полу, покрытом циновками, и ждал, когда маленькая и улыбчивая японка принесет чай. В глубоких чашках. Настоящий чай. Дорогое удовольствие, надо отметить.

А объект сидел рядом, в двух шагах, поставив тот самый меч на специальную подставку.

Изумительно. Просто идиллическая картина. Что, похоже, очень нравится пожилому японцу, сидящему напротив. Может быть, только из-за него Алекс сидит, неудобно поджав под себя ноги, и ждет чай. Из-за того удовлетворения, что написано на лице пожилого японца. Как, он сказал, его зовут, Сехаку?

Да. Господин Сехаку явно доволен. И, видимо, многое может рассказать. Но расскажет он только тогда, когда полностью насладится этой идиллией. Ну и ладно... Подождем.

Супруга господина Сехаку принесла чай. Поклонилась и, мелко семеня, удалилась куда-то за бумажную стенку. Зажгла там свет, стал виден ее силуэт.

Сехаку отхлебнул из чашки и вопросительно посмотрел на Алекса. Алекс сделал то же самое. Чай был таким, каким должен был быть. Вкус, крепость – все соответствовало тому, каким, по представлению Алекса, должен быть хороший чай. Алекс кивнул, господин Сехаку заулыбался.

Так они сидели еще некоторое время. Пили чай и молчали. И что-то постепенно поднималось в Алексе, что-то прозрачное и плотное. Это что-то проснулось и потянулось к мозгу Алекса, к его сознанию, затопило его полностью.

Стало легко и спокойно. Ноги вдруг нашли то самое положение, в котором сидеть было удобно и приятно. Расслабилась спина. Мутная усталость сползла с кончиков пальцев вниз... Закапала грязными каплями и испарилась в чистом воздухе. Это состояние не было похоже на бесшабашное буйство наркотика, на бешенство боевой смеси, на взрывоопасное спокойствие перед первым выстрелом. Оно было похоже на удовлетворенную усталость после постельных утех. И вместе с тем это не было усталостью.

В чае не было каких-либо наркотических или гипнотических веществ, смесей. Алекс бы узнал об их присутствии.

Наконец Сехаку поднялся. Коротко поклонился и жестом указал на дверь в соседнюю комнату.

Небольшой стол. Мощные лампы над ним. Несколько встроенных голографических мониторов. Машины, приборы. Лаборатория.

Сехаку сказал что-то, и на одном из мониторов загорелось изображение его сына. Только с тем, кто сидел подобно статуе в соседней комнате, у этого молодого человека не было ничего общего. Кроме, конечно, внешнего сходства. У человека на голограмме были живые глаза, смеющееся выражение лица. Глядя на него, Алекс начал понимать, откуда взялась такая точность и немыслимая скорость движений. Сын господина Сехаку был кибером самой высокой категории. Высшей категории. Боевая элита. А сам господин Сехаку был, видимо, кибертехником самой высокой пробы.

– Будущее приходит незаметно, – задумчиво произнес Сехаку. – Незаметно, но неостановимо. Вот вы молоды, сильны и видите во времени только часы, минуты, а вот вы уже стары и видите во времени годы. Это невозможно изменить. Время замерзает в вас. Внутри. Маленькими и колючими шариками. И, не имея возможности погрузиться в его воды, вы вынуждены плыть по волнам. Но вдруг вас выбрасывает на гребень, и вашим глазам открывается все русло, по которому течет эта река, открывается до ближайшего поворота. Для

меня таким гребнем стало самоубийство сына. И все, что я хотел знать в то время, – почему он это сделал? Пойдя против законов природы, я получил результат. Он находится в соседней комнате. Конечно, это не мой сын, это идеальный киборг. Я это отлично осознаю. Но я понял одну простую истину. С возрастом можно жить иллюзиями. Когда вы уже отгорели, достигли своего потолка, стали тем, чем когда-то хотели стать... Тогда можете наплевать на все и жить иллюзиями. Пусть другие рвут глотку и пробиваются вверх. Иллюзии приносят покой, а в старости это единственная вещь, без которой уже нельзя обойтись.

– Иллюзии дорого стоят. – Алекс прошел вдоль стены. В освещенном углу за низеньким заборчиком комнатной климатической установки стояло дерево бансай. Пышное, с сочными зелеными иголками. Настоящее.

– Дорого... – Сехаку невозмутимо посмотрел Алексу в спину. – Да. Практичный мозг, признак молодости. Я не могу разгласить ни одной детали из его схем. Ни единой. Даже схемы глаз, хотя в них нет ничего сверхсекретного или несущего опасность. Они не хранятся на каких-либо носителях. Я уже забыл большую их часть.

– Напомнить их вам не составит проблем для военного ведомства любой страны.

– Да, я отдаю себе отчет в этом. Вы, вероятно, слышали о стоп-блоках памяти? При малейшей угрозе разглашения они вызывают амнезию. Просто и эффективно. Не каждый решается на подобную операцию... Мало кому хочется рисковать из-за чужих тайн, да еще терять память... Я тоже не желаю такого. Мои воспоминания дороги мне. Поэтому я немного перестроил установленный во мне блок. Даже при гипотетической возможности разглашения какой-либо части моего проекта я умру. Это одна из моих самых красивых разработок. Воля к Смерти. Я не торгую чужой безопасностью. Я зарабатываю себе на жизнь иначе.

– А друиды?

– Друиды? Я уже спрашивал об этом у него. – Сехаку посмотрел в сторону комнаты, где сидел его сын. – И он не ответил мне. Ничего. Он не говорит на эту тему. Когда-то в прошлом он много работал. Пошел по моим стопам. Ему казалось, что в сочетании живого и мертвого таится истина. Не могу сказать, что я не оказал влияния на его воззрения. Ошибка стоила ему дорого. Он пришел к друидам. И работал на них долго. Очень долго. К сожалению, я не могу знать, что произошло там, в колонии... Что создал он там, в лабораториях огромных муравейников, я не знаю. Но, может быть, вам известно: ни один друид не может существовать в одиночестве. В его голове постоянно присутствуют корни системы, корни чужого сознания, как если бы один-единственный муравей ощущал в себе мысли и сознание всего муравейника. Потеря личности дает друиду многое, но эта же потеря его и убивает. Если из сознания рядового друида убрать ростки общей системы, он умрет. Остатки человеческого «я» не вынесут потери личности. Не вынесут того, что Человек стал винтиком машины. В машине нет Духа. Того, что делает человека Человеком. Отдельной Личностью, способной встать против неба, земли и ветра.

– А Кибердруид?

Сехаку наклонил голову, уперев глаза в пол. Чуть наклонился вперед, словно против ветра, дуящего в лицо.

– Мой сын пытается исправить эту свою ошибку.

– Ошибку?

– Дух для машины. Это ошибка. Это то, чего быть не должно. Мой сын сделал ее, и он пытается исправить ее. Своими методами... Но насколько я могу судить, не вам осуждать эти методы.

Когда Алекс выходил из комнаты, господин Сехаку стоял перед маленьким зеленым бансаем и смотрел на переплетение маленьких веточек. В спину Алексу смотрело только молчание.

Молодой, щуплый и смертельно опасный японец сидел в той же позе, на том же самом месте. Гордость отца и его самое страшное горе.

На улице Алекса уже ждали. Два одинаково одетых молодых парня. Один из них шагнул вперед:

– Он хотел бы поговорить с вами. – Парень был невозмутим.

– Где?

– Здесь.

Его глаза на миг потеряли фокус, затем восстановили ясность.

– Вы видели его? – Голос был другим. Такой голос звучал под низкими сводами подземного лабиринта, забитого светящейся грязью.

– Видел. – Алекс не любил говорить с нанимателями дважды, особенно когда работа не выполнена.

– И он все еще жив. – Кибердруид констатировал факт. – Мы хотим знать почему.

– Мы? – Но в ответ Кибердруид только промолчал. – Я отказываюсь.

– Почему?

– Он мне не по зубам. Разве этого недостаточно?

– Нет. Мы точно оценили ваши шансы. Вы можете с ним справиться, даже в открытом бою. Потери и ампутацию отдельных органов мы могли бы компенсировать...

Алекс усмехнулся и, повернувшись, пошел вниз по улице. Ветер донес ему вслед:

– Мы хотим знать, где произошла ошибка в расчетах.

– Вы не учли его отца, – бросил Алекс, не оборачиваясь.

Где-то позади мелькнула невысокая фигурка в длинном плаще.

«Видеть то, что не видят другие. Видеть то, что не видят другие...» – Фигурка в длинном плаще скрылась в круговороте улиц.

Нулевой уровень Европейского Купола. Трущобы. Вечер.

- Ну и что? – прервала всеобщее молчание Циркуль.
- Что «что»? – спросил Макс, снимая обруч визуализатора.
- Что тебе тут показалось знакомым? Макс вопросительно поднял брови.
- Ну, я хочу знать, почему ты связываешь то, что происходит здесь, с этой историей? –

Циркуль поднялась и снова принялась обыскивать комнату.

Когда она проходила мимо Логуса, тот попытался поймать ее за руку. Циркуль увернулась и, не глядя на своего бывшего друга, продолжила поиски.

- Что там опять ищешь? – страдальческим голосом спросил Керк.

– Ты тут живешь? Или тоже завалился дождик переждать? – Циркуль выудила из развалов выдавший виды кухонный агрегат.

- Ну, живу...

– Живу... – передразнила она Керка. – Тогда дай мне нормальной воды и что-нибудь типа аптечки. И где ты греешь воду... Свилярник...

– Ну конечно, ты привыкла к жизни под куполом в пентхаузе! Горячая вода, чистота, аптечки на каждом углу... – Логус криво усмехнулся. – Напомнить, из какой дыры я тебя вытянул?

Циркуль задумалась, уперла одну руку в бок, а другой в сомнении почесала подбородок.

- Я, кажется, тебе уже говорила?..

- Что говорила?

– Чтобы ты катился в задницу! – И она продолжила поиски, не обращая внимания на ругань монаха. Обнаружив с помощью Керка баллон с чистой водой, Циркуль снова обратилась к Макс: – Так я жду ответа. Что ты нашел общего между этой историей и нашей жизнью?

– Трудно сказать. – Макс помассировал затекшую шею. – Где-то показалось... Нечто общее. Самое интересное в этой истории, что она не выдуманная... Это своего рода архивные данные в литературном изложении. После Пятилетнего Противостояния Анклавов большинство архивных материалов, особенно магнитные носители, пришли в негодность. Поэтому восстановить всю историю досконально оказалось невозможно. Неясно, что стало с этим японцем. И чем закончилась его миссия... Но, как я понимаю, она провалилась. Он помолчал, прислушиваясь к шуму воды.

– Провалилась, хотя это не делает его попытку менее значимой. Глядя на него, – Макс кивнул на кибера, который мелко подрагивал под импровизированным одеялом, – я думаю, что такого жалкого финала для людей можно было бы избежать.

Логус презрительно фыркнул:

– Менее значимой? И чего же в ней такого? – Он встал, стащил с головы обруч и кинул его на пол. – Тронутый японец, сам по сути кибер, пытается уничтожить свое творение (авторство его, кстати, весьма сомнительно). Примитивная обработка идеи о том, что каждый творец стремится к уничтожению своего произведения, убивая в нем самого себя. Желание смерти и тому подобный нравственный вздор. Не могу сказать, что твоя история претендует на что-то неожиданное. И уж точно она не тянет на какие-то «скрытые» знания, как ты хотел бы это представить.

– Не берусь спорить со знатоком, – негромко сказал Макс. – Уж кому-кому, а представителю Церкви Всемирного Порядка положено знать корни своего культа...

– Веры, – поправил его Логус.

– Называйте, как пожелаете, суть от этого не меняется, а корни тем более. И потом, борьба за идею – это благородно. Можно называть это «нравственным вздором», можно презрительно морщиться... Но человек, вставший на такой путь, не может не вызывать уважения. Одна из немногих попыток оттянуть неизбежный финал... Тогда некоторые люди еще понимали, к чему может привести неуправляемая махина стремительной кибернизации общества.

Логус нервно покачал головой и молча отошел к окну.

– И все-таки, – прервала напряженное молчание Циркуль. – Кто такой этот Алекс, кто такой Тамбурин и почему именно Алекс должен убивать этого японца?

– Не в Алексе дело. Убить японца должно было нарождающееся искусственное общество. Хотя и сам Алекс – личность в некотором смысле легендарная, – подал голос Керк. – Особенно в среде трущоб. Существует масса легенд о нем, но за их достоверность я бы не поручился.

– Например? – спросил Макс.

– Я могу рассказать... Многие вообще считают, что он до сих пор жив.

– Нет-нет, погодите, – снова вмешалась Циркуль. Она деловито изучала содержимое аптечки. Сам Керк в эту аптечку не заглядывал со времени ее приобретения. – Во-первых, две истории зараз это много, а во-вторых я так и не пойму...

Ее прервал Макс:

– К нам гости!

В дверь вошел, не скрываясь и ничего не опасаясь, человек. Так мог войти полицейский, главарь крупной банды, человек, защищенный законом, улицей... Однако вошедший не был ни тем, ни другим. Наверное, он мог быть кем угодно, но только не тем, кем он оказался. Никто этого не ждал. Абсолютно никто.

– Ну и с чем она? – с видимым интересом спросил Макс, кивая на плоскую серую коробку.

– Пепперони, – сказал разносчик пиццы, а это был именно он. Негр лет восемнадцати в фирменной ярко-голубой спецовке и высокой конусообразной шапочке с надписью «Настоящая Неаполитанская Пицца». Шапку эту поначалу никто не разглядел.

– Ты что, сумасшедший? – Циркуль вышла на середину комнаты и уперла руки в бока.

– А... – только и смог выдавить негр. Керк подошел к нему и снял крышку с коробки. Аппетитно запахло расплавленным сыром и специями.

– Натуральная...

– В самом деле, пицца, – протянул Логус, словно он ожидал увидеть там вакуумную бомбу с таймером.

– Однако. – Макс держал в руках небольшой пистолет. – «Смит-вессон», двадцать второй калибр... Собак пугать?

– С-собак, – признался негр.

Никто не успел даже заметить, как пистолет негра оказался в руках у Макса. Разносчик пиццы дернуться не успел, а Макс уже разглядывал его «игрушку».

– Ты руки-то опусти, – тихо сказал Макс, засовывая оружие парню за ремень брюк. Тот стоял, вытянув руки с пиццей вперед, словно нес папскую тиару или блюдо с головой Иоанна Крестителя. Из черного лица его стало серым, как пластик коробки.

– Так чего тебя сюда занесло? – спросила Циркуль.

С потолка начало покапывать. Разносчик же, как ни странно, был сухой. Это обстоятельство насторожило Керка, но разносчик тут же объяснился:

– Я на грузовичке... заплутал... Район незнакомый, а я работаю первую неделю...

– Да уж, заплутал... Сюда ВООБЩЕ нельзя попасть, не то что на грузовичке! – сказал Логус. – На улице творится черт знает что. Там автобусы переворачивает, я сам видел, а ты на грузовичке!

– Там дверь такая, железная... и номер подходит, 276 «б». Это ведь 276 «б»? – с надеждой спросил разносчик.

– Может, и так. Только улица явно не та.

– Вы меня отпустите, пожалуйста, а?

– Воля твоя, но только не советовал бы я тебе кататься на грузовичке, – сказал Макс.

– Посиди лучше тут, а там разберемся. А что, у тебя в грузовичке пиццы много? – спросил Логус.

– Достаточно. – Разносчик шмыгнул носом. – А что я...

– А что ты хозяину скажешь? Да ничего.

Разносчик и Логус совершили быстрое путешествие к грузовичку и вернулись с грудой коробок.

– Я взял разных, кто какую любит, – сказал Логус, сбрасывая ношу в сухом углу. – А ты, братец, все же уникам. Чтобы сюда заехать, это же надо...

– А что снаружи? – спросил Керк.

– Плохо, – ответил Макс, который наблюдал за похождениями Логуса. – Они вытащили, что успели, грузовик перевернуло потоком.

– Конечно, – отозвался Логус. – Этот остолоп оставил его на середине улицы. Развернуло поперек, и привет! Поташило вниз. Так что можешь есть пиццу, парень. Хозяину, если что, скажешь, что утопла. Будет рыпаться, я свидетель.

Разносчик, пригорюнившись, сел на корточки и сумрачно наблюдал, как его то ли пленители, то ли спасители поедают ценный товар. Потом осторожно взял кусок и начал жевать.

– Звать-то тебя как, потеря? – спросила Циркуль, облизывая стекающий по руке жир.

– Хесус, – сказал негр.

– А по отчеству?

– Иванович...

– Дурак твой хозяин, Хесус Иванович... Это же надо – пиццу развозить сейчас... Кому сейчас пицца нужна? Дай мне вон ту коробку, – попросила Циркуль Керка.

– Хозяин сказал: вези. Там платят за доставку втридорога. – Хесус пожал плечами. – Я и повез.

– Значит, дурак не ты, а твой хозяин.

– Жаль, запить нечем, – пробормотал Логус, жуя. – Пивом, например. А вообще явление чудесное, конечно. Пятью хлебами...

– Тут не пять. Тут больше, – сказал Керк.

– Иисус Христос напитал жаждущих и страждущих пятью хлебами и сколькими-то там рыбами, – пояснил Логус. Пожевав еще немного, он с интересом повернулся к негру-разносчику: – Как, ты сказал, тебя зовут?

– Хесус. Иванович...

– Хесус – сиречь Иисус. Иванович – Иоаннович... Отец не плотником ли был?

– А это имеет значение? – спросил Макс. – Христианство теперь удел коллекционеров. Логус махнул рукой:

– И все-таки?

Негр сидел с удивленно выпученными глазами:

– А как вы догадались? Мой папаша мастером деревообработки в Скандинавском Куполе работал, пока сюда не переехали...

– Она, – сказала Циркуль. – А рыба где?

– Какая рыба? – спросил Керк.

- Там пицца была с анчоусами, – развел руками Хесус. – Съел, наверное, кто-то...
- А на фиг тебе рыба? – снова поинтересовался Керк.
- Это из области легенд... – неопределенно отозвался Логус, а затем заботливо спросил парнишку: – Наелся?
- Да вроде... Вот еще кусок съем, и полный порядок. Пойду, а?
- Раскатал губу. Куда ты там пойдешь? Сиди уж, пока дождик не кончится.
- При этих словах Логуса Керк тихонько хмыкнул.
- Рассказал бы что-нибудь, – продолжил Логус. – Тут у нас развлечения такие... В пору волками выть, а мы байки травим. Историю какую-нибудь давай. А то скиснем совсем. Ты про убийц каких-нибудь или там еще что... Легендарное такое. Знаешь?
- Легендарное?
- Ну вот... – Логус поводит в воздухе руками, словно подбирая нужные слова. – Про Алекса рассказываем. А кое-кто даже в этом всем мораль определенную видит. Что-нибудь такое?
- Про мораль не знаю... – сказал Хесус. – А про бандитов могу.
- Нет, нужно с моралью! – настойчиво повторил Логус.
- Да отвяжись ты от мальчишки, – раздраженно сказала Циркуль. – Пусть рассказывает, что знает. Что он там может придумать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.